

Светлана
Леонова

Свет надежды

18+

Светлана Леонова

Свет надежды

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Леонова С.

Свет надежды / С. Леонова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Много легенд было сложено, да только правды в них трудно найти, и уж тем более ответов на вопросы. Брак с дочерью врага был единственной возможностью остановить многолетнюю кровопролитную войну, о причинах которой никто уж и не вспомнит. И когда последний шаг к миру уже сделан, открылась страшная правда: Рагнар, правитель Зангры, вновь был жестоко обманут. Сможет ли Айна, отвергнутая дочь жестокого правителя Моргаша, стать светом увядающей надежды для чужого народа? Под силу ли ей растопить лед в сердце мужа, несмотря на все то горе, что принес ему ее отец. И сможет ли она отыскать в чужих краях ответы на давно терзающий вопрос — кто она?

© Леонова С., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	55
Глава 11	60
Глава 12	64
Глава 13	68
Глава 14	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Значение и происхождение имен героев

Айна – «сияние», «приносящая радость».

Рагнар – скандинавское имя, «мудрый воин», «воин богов, войско богов».

Вилен – «сын волка», «отважный защитник».

Сенира (няня Айны) – «защитница».

Бродика – имя полностью выдуманное. Значения не имеет.

Сверр – «дикий, бешеный»

Имена из легенды, рассказанной Сенирой маленькой Айне в прологе:

Джодок Одхан (верховный бог, бог огня, кузнечного дела и охоты) – «повелитель огня.

Тараунас Кон (верховный бог-прародитель, отец Джодока Одхана) – «гром», «мудрый».

Марелла (дочь Айны-богини и Джодока Одхана) – «дарованная», «радость».

Феллан (избранник Мареллы) – прозван народом «волк».

Лавена (дочь Мареллы и Феллана) – «радость».

Пролог

– Давно все это было... Многие лета назад. Никто уже и не помнит, сколько именно. И даже наши старики слышали это от своих стариков. Но история эта свято хранится племенами и народами...

Там, далеко за священными землями Великой пустыни Саномы, где Небо встречается с Землей, скрыт город Великих богов. Боги эти живут уже многие тысячелетия. Самым могущественным среди них считался Джодок Одхан – бог небесного огня и грома, даровавший людям живительное пламя и кузнечное дело, обучивших их охоте. Никто их никогда не видел, и лишь изредка люди могли ощущать их присутствие на земле. Боги могли даровать богатый урожай, а могли насладиться мор. Они помогали страждущим и нуждающимся, а могли и развязать кровопролитные войны. Люди взывали к ним в своих молитвах, но получали ответы лишь в виде знаков.

И так продолжалось тысячелетиями, пока все не изменилось...

Пока в землях правителя Моргаша не появилась женщина. Она была прекрасна. Прекрасна собой внешностью, прекрасна душой, отзывчивая, она излучала ауру добра и света, сразу же расположив к себе всех подданных Моргаша. Никто не знал ее настоящего имени, и потому они прозвали ее Айной, что означало «сияющая». Айна старалась жить в стороне от людей, поселившись у самого края леса. Лишь изредка она приходила в селение, чтобы обменять на продукты свою работу: изумительной красоты и мастерства полотна ткани, сотканые из растущего неподалеку дикого хлопка, рубахи и рушники с затейливыми вышивками, детские соломенные игрушки. Поначалу люди с настороженностью проходили мимо, но время шло и людские сердца смягчились к чужестранке. А еще некоторое время спустя случай открыл у Айны дар исцеления и врачевания. Женщина собирала в лесу хворост и заметила под большим кустом раненого юношу. Она перенесла его в свою хижину, обработала раны, полученные от когтей и клыков огромного дикого зверя, и стала ухаживать за ним. Лишь на десятый день смерть окончательно сдалась в борьбе с Айной за жизнь юноши. И когда молва о чудесных исцеляющих способностях женщины разлетелась по окрестностям, к ней стали приходиться за помощью люди со всех концов земли Моргаша. Айна никому не отказывала. И платы никакой не брала. Добрые люди сами благодарили ее: кто едой, кто одеждой или теплыми мехами, чтобы в холодные зимы было теплее.

Так и повелось с тех пор.

Но время шло. Те, кто был молод и силен, прекрасен и здоров, становились зреее, годы брали верх над ними. Лишь только Айна оставалась столь же прекрасной, как и в тот день, когда только появилась. Словно силы природы и мироздания были не властны над нею.

Пролетали годы, десятилетия... Уж сменилось целое поколение... А неувядаемая красота и целительство Айны все так же радовали жителей Моргаша, как и прежде. И теперь уже прежние дети, которых выходила своими необычными силами женщина, приводили к ней своих внуков и правнуков. Поначалу людей пугала эта странная особенность пришлой: словно законы природы были над ней не властны, а годы не смели менять ее облик. Сторонились, слагали предположения и выдумки в легенды. Да только бескорыстие и открытость говорили лучше всего, и вновь Айна стала незаменимой помощницей и добродетельницей. Скольким безнадежным она помогла, скольким влюбленным дала надежду и счастье, разговаривая с их семьями.

И так было годами... Пока не появился в землях Моргаша Темный охотник. Статный незнакомец, молодой воин, он был окружен ареалом тайны и неизвестной силы. Его высокая фигура была скрыта под темным плащом, служившим укрытием от сильных ветров, дождей и

холода. Лицо было спрятано под глубоким капюшоном, из которого изредка можно было разглядеть черные пряди волос, спадающие на лоб. Черные обсидиановые глаза сверкали, словно два угля, из под капюшона и тот, на кого они были устремлены, невольно тушевался. Его появление вселяло в людские сердца страх и трепет. От одного его взгляда все учтиво склоняли головы и даже сам великий правитель Моргаша невольно преклонялся перед ним. Незнакомец явился в те края пешком, однако из-за отсутствия лошади никто не посмел бы назвать его бедным: его одеяние было намного ценнее, чем самые дорогие одеяния в семье правителя, его кинжал был выкован из лучшего металла, способного рассечь даже самый прочный камень, – такой кинжал могли выковать лишь только в пламени самого Пекла. А крепкий лук, сделанный из неизвестного темного дерева, видел немало битв, принеся смерть врагам и предателям. Охотник скитался по землям Моргаша, выискивая что-то. Или кого-то. Он обходил все деревни, останавливался возле каждой хижины, даже самой ветхой, и подолгу стоял, задумчиво глядя на жилище, пугая тем самым ее обитателей. А потом уходил прочь из деревни, чтобы прийти в следующую и снова и снова искать.

По окрестностям стали расплзаться недобрые слухи. Люди боялись таинственного незнакомца. Едва только он появлялся, как все тут же старались поскорее убраться с его пути, скрыться в домах или трактирах.

Но не долго странствовал Охотник в своих поисках. Под тенистыми вековыми дубами он нашел хижину и остановился. Уж день близился к закату, а Охотник все стоял, не шелохнувшись, обратив пустой взор на скромное маленькое жилище. И лишь когда солнечный диск скрылся за высокими горами и угасли его последние лучи, а тьма укутала все своими объятиями, из хижины вышла молодая златовласая женщина, закутанная в огромную шаль.

Она остановилась на отдаленном расстоянии от странника, словно намеренно подчеркивая расстояние между ними, и долго-долго смотрела на него, не произнося ни слова. Затем тихо приблизилась и, все так же не говоря ни слова, взяла за руку и отвела в хижину. Там женщина усадила Охотника на скамью, медленно стянула капюшон с его головы и, положив ладони на его глаза, едва слышно зашептала слова.

– Теперь ты свободен, словно вольный ветер, – тихо промолвила она после завершения обряда, – отныне можешь идти туда, куда укажет твой острый взгляд.

Она хотела отойти, но гость взял ее ладони в свои руки и не дал отстраниться. Он долго всматривался в ее лицо, и что-то теплое зажглось в его глазах, от чего она не могла отвести взгляда.

– Айна, – словно пробуя на вкус сладкий нектар и наслаждаясь его вкусом, медленно произнес Охотник, – Айна... Они дали тебе красивое имя. «Светлая»...

На его красивых губах заиграла улыбка, которая согрела его глаза и волшебным образом преобразила лицо.

– Я пришел за тобой. Вернись со мной.

Айна виновато опустила взгляд, но ладоней из мужских рук так и не выпустила, словно что-то прочно связывало их и не давало отдалиться.

После долгих уговоров Айна согласилась вернуться. Вернуться вместе со своим мужем – Джодоком Одханом – в мир, где правили боги. Он показал ей сколь велика сила его любви. Любви, которая вела неспособного видеть правильной дорогой. Любви столь сильной и крепкой, что ни бесконечные миры, разделявшие их, ни время не смогли заставить его свернуть с пути и вернуться. Джодок Одхан возносил Айну до бескрайних миров, ведомых только им одним, дарил ей все звезды и все светила. Он любил ее бесконечно.

– Бабушка, а почему Айна ушла от Одхана? Она его не любила? – спросил тонкий детский голосок.

– Она любила его больше, чем могут любить тысячи, миллионы собранных людей вместе, любила его больше своей жизни, – тихо ответила пожилая женщина, сидевшая рядом. – Вот только любовь может поселить в сердце высокомерие. Чем больше любишь кого-то, тем больше гордости в нем зарождается. И тем больше страданий это приносит тому, кто любит, ведь любящая душа способна многое простить. Старый верховный бог-прародитель Тараунас Кон сам наказал своего сына: он лишил его способности видеть и сказал, что только та, что безгранично и бескорыстно любит его, способна вернуть ему зрение. Совсем рассвирепел Джодок Одхан, бросился он искать Айну, обвиняя ее в своем несчастье и требуя немедленного исцеления. Да только и тут вмешался Тараунас Кон:

– Носить тебе это наказание до тех пор, пока сердце твое не прозреет и само не приведет к той, что исцелит тебя.

С этими словами раздался оглушительный раскат грома, воздух рассекли огненные всполохи, чередующиеся с ослепительными нитями молний, клубы серого дыма скрыли все вокруг. Сквозь эту непроницаемую пелену стали пробиваться яркие лучи, они прорезали мрак, образуя яркий тоннель, который подхватил Айну и закрылся следом за ней. И тут же все стихло, умолкли раскатистые звуки, а тьма трусливо рассеялась. Звонящая тишина обрушилась на оставшихся богов.

Так покарал Верховный бог своего возгордившегося сына. Он отправил Айну в мир смертных, а Джодок, если действительно любил, должен был следовать голосу своего сердца, чтобы найти ее. Но прежде всего он должен был научиться слышать этот самый голос сердца, а не голос эгоизма.

– Бабушка, а боги могут свободно приходить в наш мир? – допытывалась маленькая девочка, внимательно слушая ответы старой женщины.

– Нет, дитя, богам запрещено вмешиваться в жизнь людей, приходя в их мир. Они могут вершить судьбы народов с высоты своего мира.

– А почему Тараунас отправил Айну к смертным? Почему он не спрятал ее в мире богов?

– В мире богов Джодок нашел бы ее слишком легко. Спи, дитя, – женщина бережно поправила одеяло у маленькой девочки и ласково потрепала ее по головке.

– Бабушка, а расскажи, почему вокруг такая тьма? Почему солнце никогда не приходит к нам?

– В другой раз, дитя, в другой раз. – Пожилая женщина бережно укрыла девочку и потянулась к свече, стоящей на столе неподалеку, но малышка перехватила ее руку, удерживая подле себя.

– Расскажи, бабушка. Пожалуйста.

– Что с тобой поделаешь, – вздохнула старая женщина и немного улыбнулась. – Ну, слушай. Слишком долго Джодок искал Айну. Слишком долго он отсутствовал. И другие боги начали борьбу за его место. Ему пришлось сражаться за свое главенствующее положение. То была беспощадная битва. Даже в мире смертных были слышны ее отголоски, солнце скрылось на долгие годы за темными непроглядными тучами, а с неба шли огненные дожди, разрушающие все живое, что попадалось на их пути. Люди молились богам, прося их прекратить такие несчастья, да только тем было не до их просьб.

Жестокая была битва. Беспощадная. Видя смерти и разрушения, которые стали угрожать и им, Джодок и Айна решили спрятать свою дочь в мире смертных. Нарушив все запреты, они вдвоем соединили свои силы и сломали печать, закрывавшую проход между мирами. Лишь на краткий миг Айна спустилась к людям, оставив свою дочь добрым людям, и вновь вернулась в свой мир. Дверь между мирами снова сомкнулась, но Айна не теряла надежды, что рано или поздно она вернет свою дочь.

Девочке дали имя Марелла, что означало «дарованная». Она была столь же прекрасна и светла, как ее мать, и столь же отважна, как отец. Ее яркие голубые глаза хранили в себе свет

тысячи миров, а черные, словно вороново крыло, локоны были темнее самой темной ночи. Время шло, и Марелла превратилась в прекрасную деву. Много славных юношей и мужей добились ее, но сердце девы оставалось глухо. Пока однажды не повстречала в лесу охотника, прозванного в народе Фелланом – «волком». Сильный, смелый, дерзкий, независимый и прекрасный, он покорила Мареллу. Следуя обычаям своего рода, он подарил ей шкуру поверженного им голыми руками дикого зверя и в новолуние перед всеми богами и жителями деревни взял в жены. А вскоре родилась у них дочь, которую нарекли Лавеной – «радостью».

И было это в землях правителя Моргаша.

Да вот только сын правителя не смирился с отказом Мареллы. Оклеветал он Феллана, и повелел правитель Моргаша наказать смертью невинного охотника, а семью его изгнать из своих земель. Только не сдался Феллан, бежал он вместе с женой и крошкой дочерью на руках. Воины Моргаша бросились вслед за ними и настигли на самой границе своих владений. До последнего сражался Феллан с преследователями, но было их слишком много. В ярости и азарте погони позабыли они о чести и захотели погубить их всех. Даже смертельно раненый, охотник продолжал биться, защищая свою семью. Но когда силы покинули его, единственное, что мог он сделать – это в последний раз сразиться с преследователями, отдавая последние капли жизни за жизнь тех, кого он любил. Видя, что близится момент гибели, Марелла укрыла собою свое дитя, ограждая от холодного клинка воина Моргаша. В отчаянии она зашептала молитву богам, прося их пощадить невинное дитя. И в тот момент, когда по холодному металлу уходила ее жизнь, весь лес озарился ярким ослепляющим светом. Этот свет был виден всем. Именно тогда люди сказали, что солнце перегорело. В деревню вернулся тогда один только воин. Самый сильный и выносливый. Вот только от бывшего доблестного мужа не осталось и следа: в глазах его утратился здравый рассудок, а губы все время бессвязно шептали что-то о гневе и проклятии, насланном на земли Моргаша спустившейся с неба светлой богини, об окаменевших воинах, о гибели Мареллы и о превращении Феллана в огромного черного волка. Народ Моргаша не поверил ему, объясняя эти рассказы видениями, вызванными расстройством ума от отравления болотистыми газами, вот только с тех самых пор тьма так и не рассеялась над нашими землями – светлая богиня Айна навсегда покинула нас. А в дикой чаще непроходимых лесов на самой границе земель охотники много раз замечали огромного черного волка, следившего за всеми чужаками из темноты, сверкая глазами. Тех, кто осмеливался выйти на его поимку, домой так и не дождались. Говорят, что это дух Феллана охраняет темный лес.

– А что стало с маленькой Лавеной?

Старая женщина только беспомощно развела руками, словно говоря, что ответ на этот вопрос она не знает, но он вполне очевиден.

– Бабушка, а это проклятие как-то можно снять? – в голосе ребенка слышалась тень страха, но все равно детское любопытство было сильнее.

– Никто этого не знает, – с горечью вздохнула женщина. – Может быть эти проклятые земли обречены до скончания веков быть окутаны темнотой...

– Пока не свершится правосудие, светлая богиня Айна будет обходить стороной эти земли, – раздался из дверей скрипучий голос старца. – Эта тьма, опустившаяся на наши края, ничто по сравнению с тьмой, что поселилась в душах и сердцах правителей Моргаша. Из поколения в поколение она только лишь растет.

– Тише, старик, – женщина сердито взглянула на того и грозно шикнула, – ты забыл, где ты находишься и что за дитя перед тобой.

– Я все прекрасно помню. – Старик подошел к маленькой девочке, положил морщинистую руку поверх ее головы и обратил на нее невидящий взгляд, погружившись в свои мысли, а потом, словно внезапно вспомнив, где находился, погладил по длинным светлым локонам. – И ты не забывай, кто ты есть. Придет время, и тьма отступит, нужно только хранить свет своей

души, не дать его загасить. Я знаю, что скоро наступит тот час, и богиня Айна снова вернется в эти края.

– Уходи, Вилен, не пугай ребенка, – грозно промолвила старая женщина, выпроваживая старика из комнаты. – А ты, Айна, ложись... Вон уже и лучина догорает.

– Бабушка, а почему меня называли Айной? В честь нее? В честь богини?

– Ах, неугомонная, – заворчала старушка, – все-то тебе интересно. Ладно уж, а то ведь не отстанешь, пока все не разумеешь. Когда ты появилась, сквозь тьму и мрак неба пробился один единственный, но такой яркий луч, что все посчитали это знаком. Мы дали тебе имя Айна – «светлая» – в память об этом событии. А теперь спи.

Маленькая Айна укрылась теплым одеялом и закрыла глаза, представляя себе все эти красивые и одновременно мрачные сказки-легенды, которые ей рассказывала бабка Сенира. Каждый раз, когда она слушала их, ей казалось, что слова начинают играть новыми красками, привнося новый смысл и меняя реальность. В народных сложениях было сокрыто что-то очень важное, что пока еще не поддавалось детскому разуму. Придет время, и Айна совсем иначе посмотрит на знакомые легенды, поймет, что хотели донести предки своим потомкам. Но это будет потом...

Глава 1

Холодный злой ветер трепал подол теплых шерстяных накидок, грозя разорвать одежду в клочья и, лишив всякой защиты, заморозить насмерть. Тяжелые свинцовые тучи укрыли собою все небо, делая темный вечер в горах еще мрачнее. Перемешавшись с туманом, они окутывали холмы непроницаемой тьмой. Черное небо, разрываемое яркими всполохами молний и громовыми раскатами, низвергало тяжелые нити дождя. Капли громко ударялись о камни, собирались в огромные ручьи и уносились стремительным потоком вниз, к подножью горы. Каждый раскат грома был похож на гневный удар огненного молота Джодок Одхана, искры от которого рассыпаются по небу, опалая его огненным заревом. Давно боги так не гневались, опасливо говорили старики.

На самом краю высокой скалы ветер совершенно терял ощущение скованности и беспощадно резвился, норовя содрать теплые одежды, в которые кутались люди. Только их это не останавливало. Полные решимости, они преодолевали последние шаги до камня Пахлерая, где их уже ожидали.

– Ох, не спроста свирепеет буря, – пробурчала себе под нос старая женщина, – ох, не спроста... Не одобряют боги. Только беду накличем...

– Что ты там причитаешь? – раздался рядом с ней недовольный голос старика. – Боги скорее на твои стенания гневаются. Кудахчешь, словно старая курица.

– Молчи уж, старый, – женщина сердито сверкнула глазами из-под капюшона и потом устремила их на идущую впереди тоненькую фигурку, полностью укутанную в теплую накидку из собольего меха. – Была б моя воля, ни за что не допустила подобного. Что ж теперь будет-то?

– Ты думай о том, во имя чего все это делается, – сердито проворчал седой старик, тяжело опираясь на свою трость. – Так предначертано богами...

– Если б не ты, Вилен, не пришлось бы нам идти в эти заповедные земли... – Старуха вложила все свое негодование в эти слова. А через некоторое время, под гнетом молчания, добавила совершенно печальным голосом. – Ты о ней хоть подумал? Во имя чего ею жертвуют?

Старик молчал. Он задумчиво смотрел вперед, на тоненькую тень, ушедшую далеко вперед от них. Ветер трепал теплое одеяние, выбивая из-под него светлые пряди, ярко контрастирующие с темной мглой неба.

– О ней только и думаю, – наконец, произнес он. В его голосе было столько боли и тревоги, что даже вся тяжесть неба не сравнилась бы с этим. Старик закашлялся, но собрал остатки силы и продолжил путь вверх по склону.

Там, наверху, все казалось куда более зловещим и мрачным, чем пейзаж, встречавшийся ранее. Гулкие раскаты стали понемногу уходить стороной, и теперь небо снова погружалось в тревожную мглу. Лишь редкие нити молний освещали вершину горы. И в каждом их ярком свечении на самом обрыве вырисовывались очертания нескольких темных, словно высеченных из камня фигур, стоявших неколебимо даже не смотря на сбивавший с ног ветер, только длинные накидки развевались по ветру, делая их еще более зловещими. Едва только путники поднялись, одна из фигур, самая огромная и внушительная, ожила и вышла навстречу. Следом к ней присоединились еще две, державшиеся за спиной, словно прикрывая тыл, готовые в случае любой опасности к действиям.

– Мы думали, ваш повелитель уже отрекся от своих слов, – в голосе вышедшего вперед мужчины можно было уловить злую насмешку.

– Буря слишком сильно разыгралась, – вступился в разговор Вилен, продвигаясь вперед, – дорога в горах стала опасной.

– Довольно болтовни, – пресекая всякие попытки беседы, произнес его собеседник. – Пора начинать.

Из-за их спин вышел седобородый старец в черном одеянии. Его укутанную фигуру едва не сбивал с ног сильный ветер, и только богам одним известно, откуда в столь тщедушном на вид теле были силы противостоять стихии. Он подошел к ритуальному камню Пахлераля и затараторил какие-то слова на давно позабытом языке. Чем дольше говорил старец, тем ниже опускалась его голова к сложенным вместе на груди ладоням. Он не обращал внимания на вновь разыгравшуюся грозу, на яркие тонкие нити молний, прочертившие все небо, на ужасные раскаты грома, заглушавшие все в округе и от звука которых содрогалась земля под ногами. Старец иступленно произносил слова, сопутствовавшие обряду, затем он обернулся и дал знак подойти к нему. От собравшихся на скале отделились две фигуры: от одной стороны тонкая, хрупкая фигура девушки, кутавшейся в свою меховую накидку, от другой стороны мужчина, еще недавно давший указание начинать церемонию. Он составлял заметный контраст с девушкой: огромного роста, широкоплечий, крепкий, казалось, что даже сила стихии не заставит его хоть на йоту сменить выбранное положение. Его темные волосы, темнее самой темной ночи, в беспорядке развевались на ветру, скрывали лицо.

Девушка с мужчиной встали по обе стороны от камня Пахлераля, положили на него обе руки и стали ждать. Не возможно было не заметить сильную взволнованность девушки: ее страх передавался всем рядом находящимся. Спокойствие же мужчины еще больше заставляло ее нервничать. Она молилась, чтобы все это поскорее закончилось, хоть и не знала, какое будущее ее ждет.

Седобородый старик продолжал свои речи, обращенные к богам. Он положил свои морщинистые ладони поверх рук стоящих рядом с ним мужчины и девушки и после нескольких произнесенных громких слов, соединил их, опустив на центр камня.

– Боги и вы, собравшиеся здесь, свидетели таинства соединения двух судеб в одну. Отныне их судьбы неразрывны, их честь и слава – единое целое, их кров и дети – общие. Если есть причины, препятствующие этому союзу, да будут они названы сейчас или канут в небытие как домыслы и клевета.

Воцарилось долгое молчание, нарушаемое лишь раскатистыми звуками грома и завываниями ветра.

– В знак скрепления союза двух кланов, обменяйтесь приношениями.

Девушка учтиво склонила голову, не от требований традиций, а от смиренной покорности, извлекла из скрытых карманов своей накидки свиток и протянула его темному мужчине, стоявшему чуть поодаль от нее, не поднимая головы и страшась посмотреть на него. Мужчина неспешно принял из ее рук протянутую вещь, сломал защитное кольцо и бегло прочитал содержимое. На его лице не отразилось ничего, лишь только ядовитая усмешка, прозвучавшая в голосе, выдала недовольство.

– Недорого тебя отец оценил. Всего лишь один обоз с вещами, да жалкий клочок неплодородных, скалистых земель. За среднюю лошадь и то больше дадут.

– А ты, повелитель Зангры, не смотри на скудность дара, – вступился в разговор Вилен, холодно отвечая на резкие слова, – скудность оболочки несет за собой глубокий сокрытый смысл.

Мужчина смерил старика острым взглядом, но ничего не ответил, отвернувшись и более не удостоив того своим вниманием. По его едва различимому знаку подошел один из стоявших поодаль воинов, протянул своему повелителю огромный тюк и тут же вернулся на свое место. Мужчина Быстрым движением развернул ношу и бросил в ноги девушке. В тот же миг десятки огромных драгоценных камней засияли на скалистой земле, улавливая и заточая в себе свет блиставших молний.

– Зангра платит за мир и спокойствие, – заключил мужчина, обведя твердым взглядом каждого из собравшихся на скале, призывая всех быть свидетелями его слов.

Новые раскаты грома нарушили воцарившуюся тишину, небо содрогнулось и отозвалось долгим эхом.

– Пред лицами богов и всех здесь собравшихся, в знак скрепления мира между народами Моргаша и Зангры, – перекрикивая шум стихии, седовласый старец продолжил церемонию, – сегодня соединяются в союз великий и достойнейший муж земель Зангры и прекраснейшая из дев Моргаша.

Старец взял руки жениха и невесты и, быстро сделав небольшие засечки маленьким кинжалом на их запястьях, соединил рану к ране, удерживая две руки в неподвижности, читая древние молитвы и прося богов благословения этому союзу. После соблюдения обряда благословения, старец повернулся к паре и громко произнес:

– Отныне вы неразделимое целое, муж и жена не только в глазах людей, подданных, но и пред богами. Да будет благословлен ваш союз.

Наступила гнетущая тишина, и в ней нареченный муж подошел вплотную к девушке, распахнул свою накидку и одним быстрым движением снял с шеи затейливую золотую цепь с висящем на ней ярко-синим камнем в оправе. Каждый правитель Зангры в день своего восхождения на престол получал два дара от своего народа: две цепи с камнями-кулонами, символизирующие власть – одну для себя, а вторую – для будущей избранницы правителя, которая разделит с ним бремя правления. Именно этот символ законности брака и разделения своей власти правитель Зангры собирался преподнести своей нареченной жене. Он продемонстрировал всем присутствующим две цепи власти и уверенным движением опустил скрывающий девушку капюшон, чтобы повесить на ее шею символ законности их брака.

Грозный голос, похожий на рык раненого зверя, раздался по окрестным холмам, отталкиваясь эхом от скал и уносясь трусливо прочь. Это рык заглушил грохот грома. Яркие серые глаза вспыхнули сотней молний.

– Это не она. – Мужчина грозно развернулся к маленькой процессии, представляющей правителя Моргаша.

Глава 2

Можно ли с легкостью принять свою долю, когда совершенно не знаешь, что уготовило будущее? Можно ли сохранять остатки спокойствия, когда знаешь, что от тебя зависит не только собственная судьба, но и судьба даже не одного, а двух народов? Можно ли с легкой душой покидать отчий дом, чтобы навсегда стать одной из тех «варваров», что истребляют твой народ? Можно ли быть уверенной в собственном завтрашнем дне, если этот и другие последующие дни будут наполнены ненавистью и презрительными взглядами, осуждением и недоверием к «чужой», которая является для них таким же «варваром», как и они для нее? И можно ли сохранять спокойствие, когда о своей участи становится известно лишь только накануне?

Небольшая процессия направлялась к западу, к границам Моргаша и Зангры. Там их уже должны были ждать, чтобы проводить к заповедным землям, где должно было свершиться таинство соединения двух правящих кланов.

Чем ближе становились гряды заповедных гор, тем больше неистовствовала природа. Сильный ветер сбивал с ног, подол теплой накидки то и дело цеплялся за кусты и коряги, словно неведомые силы пытались удержать от этого шага. Но не смотря ни на что нужно было идти вперед. Хоть и было страшно.

Сопровождавшие воины отца не посмели, а быть может просто и не пожелали идти дальше и, передав встречавшему отряду воз, развернулись и покинули земли Зангры. Оставалось лишь только обреченно смотреть, как они оставляют дочь правителя Моргаша в чужих землях. Их бросили... Нет, фактически это ее бросили на произвол судьбы и на милость правителя, с которым ее народ уже многие десятилетия вел изнуряющую войну, принесли как агнца в жертву волкам ради призрачного мира.

Маленькая фигурка девушки зябко куталась в длинную меховую накидку. Ее мысли были далеки от разглядывания меняющихся окрестностей на их пути. Да и было ли что рассматривать? Вокруг царили серость и полумрак, ни единый луч солнца уже многие годы не освещал эти унылые земли. Девушку всю дорогу одолевали тревожные мысли, столь же серые и печальные, как и все вокруг. Ей даже не дали ни с кем попрощаться. Под завесой ночной тьмы маленький отряд выехал из крепости, и проводить их никто не вышел. Только старая нянюшка Сенира, да старик Вилен вопреки запрету своего господина вызвались сопровождать невесту в земли врага.

Небольшой отряд Зангры шел чуть поодаль от путников, показывая, что появление чужаков в этих землях не радует их. Да это и можно было понять: бесконечная война, развязанная еще давними предками правителей Моргаша и Зангры, вымотала людей до предела, опустошила их закрома, отняла все и по сей день уносила новые жизни ушедших на бессмысленное кровопролитие мужчин. Не было ни одной семьи по обе стороны от границы земель, кого бы не коснулось горе утраты. Брак между правителем Зангры и дочерью правителя Моргаша в таких условиях представлялся едва ли не единственным выходом обрести мир и спокойствие. И теперь следовало во что бы то ни стало пройти древний обряд перед богами, дабы установить перемирие между землями и народами и, несмотря на столь высокую цену, отступить от условий сделки никто не собирался. В первую очередь, это дало бы передышку приграничным поселениям, больше всего страдающим от кровопролитных сражений, а также возможность укрепить границы. Ради тех людей, угнетенных ужасами войны, стоило пойти на такую жертву. Одна ее жизнь стоила спокойствия целого народа.

Позади остались родные земли. Позади остались мечты и надежды. Ей же не осталось ничего. Путники оставили у подножия горы своих лошадей вместе со встретившим их отрядом

и теперь поднимались наверх. За спиной слышалась перебранка Сениры с Виленом, да и те спустя некоторое время утихли – устали.

Страх перед предстоящим все более сжимал сердце. Погруженная в собственные мысли, девушка решительно шла вперед, прячась в теплой накидке не от пронизывающего холодного ветра, а от жестокой действительности и от сочувствующих взглядов своих сопровождающих. Судьба сделала выбор за нее. Нужно было с достоинством принять выпавшую ей долю, как и полагалось будущей жене правителя. А также той, на кого теперь надеялся народ Моргаша.

Страх подстегивал идти вперед, чтобы скорее встретиться с неизвестностью и разрушить ее леденящие щупальца, что сковывали изнутри все сильнее по мере приближения к вершине. Едва только показался свет священных огней, девушка в нерешительности остановилась и оглянулась, туда, где оставалась ее прежняя жизнь. Она понимала, что ей уже не вернуться. Сердце гулко билось в груди, отсчитывая ритмы страха и печали. Поравнявшиеся с ней старик с нянюшкой успокаивающе погладили по руке, верно истолковав это замешательство.

– Нужно идти, – едва дыша, поторопил старик, – осталось немного.

Девушка печально опустила глаза, но все же нашла в себе силы для слабой улыбки. Бросив обреченный взгляд вниз, она расправила плечи, с обманчивой уверенностью подняла голову и пошла вперед.

На вершине их уже ждали. Несколько черных фигур зловеще застыли на самом краю отвесной скалы, в ярких вспышках молний они выглядели дикими, таких обычно звали в народе воинами преисподней – настолько ужасающей была у них внешность. Об их жестокости в Моргаше слагали легенды, и дети едва ли не с пеленок боялись «черных варваров».

Правитель Зангры выделялся среди своих подданных: он был на порядок выше своих воинов, его непокрытые волосы трепал ветер, а глаза сияли так, что даже свет ослепительных молний был не в силах их затмить. Его громкий голос заставил девушку вздрогнуть и очнуться, пелена оцепенения спала, но теперь на смену ему пришлось, наконец, осознание, какая участь ей уготована. Этот горящий ненавистью взгляд, колкие язвительные насмешки говорили сами за себя: она здесь не желанный гость, но идти против рока обстоятельств мужчина не намерен. Ее жизнь здесь не стоит ничего. Если будущий муж, прекрасно понимавший важность этого брака, столь враждебно настроен к ней, чего же стоило ожидать от его подданных. «О боги, дайте только силы все это вынести», – мысленно воззвала девушка к небесам, понимая, сколь тщетны и глупы ее молитвы.

Таинство подходило к своему завершению. Это можно было понять по последним репликам старца и по тому, как уверенно стал приближаться ее только что нареченный муж. На мгновение у нее закончился в легких воздух, а сердце вдруг отчаянно заколотилось, грозясь вот-вот разбиться о ребра – близость этого мужчины ничего, кроме ужаса, в нее не вселяла. Сейчас он казался еще огромнее и мощнее, от него веяло презрением и ненавистью, лед в его глазах был куда холоднее, чем разгулявшийся вокруг зимний ветер, он студил кровь в ее теле, заставлял ежиться в теплой накидке. Девушка невольно шагнула назад, и, наткнувшись спиной на огромный камень Пахлераля, судорожно вздохнула. Нужно было собраться с духом и с достоинством исполнить последний обряд бракосочетания.

С едва скрываемым волнением она смотрела на золотую цепь с камнем-кулоном, но едва только капюшон, укрывавший от пронизывающего ветра, был скинут, в глазах ее мужа ярко вспыхнули искры гнева. Его взгляд, казалось, сам метал молнии, а грозный рык, перекрывший даже вой ветра и раскаты грома, уничтожил остатки ее сил и храбрости. Эта резкая перемена в нем пугала ее, но когда смысл произнесенного достиг ее разума, ей стало все понятно: вовсе не она должна была стать невестой. Ее отец обманул Зангру, обманул ее правителя. Вместо нее должна была быть принесена в жертву Бродика, ее старшая сестра. Только осознала она

причину внезапного исчезновения сестры, поспешность и таинственность собственных сборов к этому браку. Отец не считал нужным оповестить об исчезновении дочери и о возможности изменения сделки – он просто заменил одну дочь на другую. Словно какой-то неодушевленный предмет на базаре.

Правитель Зангры долго всматривался в ее побледневшее от страха лицо. На скулах его от гнева играли желваки, но он по-прежнему только молча прожигал ее взглядом. О чем думал он сейчас? Признает ли он брак не состоявшимся и вернет обратно к отцу или же разорвет на части прямо здесь? В любом случае, он имел полное право на вершение любого своего решения: его жестоко обманули, унизили таким жестом, выставили посмешищем не только перед другими народами, но, в первую очередь, перед собственным.

Вокруг словно образовалась пустота, воздух закончился и не возможно было сделать даже самого крохотного вдоха. Пульс отсчитывал мгновения – время до принятого решения. Айна со страхом смотрела в суровое лицо мужчины и ждала, в то время как на его лице не дрогнул ни один мускул, даже глаза не выдали ни одной эмоции. Он с небрежностью бросил ей в ноги цепь с кулоном и отвернулся.

– Можете передать своему правителю, что я от своих слов не отказываюсь, – чуть задержавшись на месте, но так и не оборачиваясь, сказал он сопровождавшим девушку старику и женщине. – Она поедет с нами. Обряд свершен.

Эти слова, казалось, удивили не только ее одну: все собравшиеся смотрели на него, кто вопросительно, кто с удивлением. Воины быстро обуздали свои эмоции, вернув себе прежнее хладнокровие.

– Ты хочешь, чтобы мы бросили ее одну, среди чужаков, люто ненавидящих все, что связано с упоминанием Моргаша? – неожиданно громким и грозным голосом вступился Вилен. Наверное, когда-то он был славным воином, ничем не уступавшим любому из тех, что стояли сейчас пред ним плечом к плечу со своим правителем, и он мог вселять такой же страх одним своим суровым видом. Но время не щадит никого, и, хотя фигура его сохранила прямолинейности, бывшее величие лишь изредка являлось окружающим, прорезаясь сквозь морщины и седины.

Правитель Зангры остановился и обернулся.

– Вы сами отдали ее нам, – сухо бросил он. – Договор заключен. Так и скажите своему повелителю.

Последние слова были едва ли не выплюнуты, в них слышалась неприкрытая ненависть и презрение.

– У нее есть имя, – крикнул вслед Вилен, но ответа или хоть какой-то реакции так и не дождался.

– Тебе лучше поторопиться, если не хочешь насмерть замерзнуть в горах, – не оборачиваясь к своей жене, бросил ей на ходу мужчина, давая понять, что более задерживаться здесь он не намерен.

Принцесса растеряно смотрела вслед уходящему мужчине. Гнев его сменился абсолютной холодностью и равнодушием, словно она была не значимее любой песчинки под ногами. Его самообладание поражало, а ведь пренебрежительный жест, с которым он бросил пред ней цепь, еще недавно выказывало все его отношение к ней: для него она не более чем грязь. Девушка опустилась вниз, подняла дрожащими пальцами символ своего нового статуса, а потом стала медленно собирать рассыпанные вокруг драгоценные камни, что стали даром ее мужа в знак скрепления союза. Так правитель Зангры сознательно унизил ее, чтобы показать подлость ее отца и, как в противопоставление, отчаянное желание народа Зангры установить мир любыми путями, даже принимая явную провокацию в виде нарушения договоренностей. Поставил ее на колени, давая понять, что только в этом случае она могла называться его женой.

и только в этом случае все договоренности будут в силе и между двумя народами будет возможен мир. Ее гордость в обмен на благополучие тысяч людей по обе стороны границ.

Девушка посмотрела на Сениру, а затем на Вилена. От его проникающего состраданием взгляда стало не по себе. Старик тоже понимал, что ее ждет в чужом краю, особенно теперь, когда их собственный народ оказался не достоин доверия. Печально опустив глаза, она собрала все рассыпавшиеся по земле драгоценности в тюк, туго связала и решительно выпрямилась, устремив взгляд на своего мужа. Ей нужно было следовать за ним. В его дом, который теперь должен стать и ее тоже. Оглянулась на Вилена и едва сдерживающую слезы Сениру, и у самой защипало в глазах. Нужно прощаться. Сделала несколько робких шагов к своим провожающим и тут же оказалась в теплых объятиях нянюшки. Ее слезы выворачивали душу наизнанку, становилось так безумно больно. По ним она будет скучать больше всего. По своей Сенире, что вырастила с младенчества, и по ворчливому Вилену, всегда мрачному, словно хмурые тучи, но ни разу не пожалевшего для нее доброго слова или маленького гостинца. Они стали для маленькой девочки и учителями, и семьей.

– Не плачь, моя Сенира, – старалась успокоить старую женщину девушка, – все будет хорошо. Спасибо тебе за все.

Затем обернулась к старику, взяла его за руку, но не сдержалась и тоже порывисто обняла.

– Вилен, спасибо тебе. И береги нянюшку. А это... – она вложила в руку старика наполненный драгоценностями тюк, – это отнеси отцу.

Тяжелая рука старика коснулась ее волос.

– Я тебя не оставлю одну, моя девочка, – уверенно произнес он. – Вилен будет с тобой до тех пор, пока жив. Сенира, что скажешь? Продолжим путь дальше?

Женщина охнула, но для принятия решения ей даже времени не потребовалось:

– В редкие случаи соглашаюсь с тобой, но сегодня такой день.

– Вы навлечете на себя гнев отца, – возразила девушка. – Не стоит...

– Мы пойдем с тобой, – тоном, не терпящим возражения, постановил Вилен. И оставалось лишь удивляться, откуда в этом старике такая стойкость и сила духа, что даже сквозь годы оставались главным стержнем его характера. – Идем.

Все трое поспешили вслед за спустившимися воинами. А внизу их уже нетерпеливо ждал правитель Зангры, держа под уздцы своего коня и о чем-то переговариваясь с одним из своих дружинников. Он увидел следовавших за девушкой старика с женщиной и нахмурился.

– Хотите удостовериться, что с ней ничего не случится? – холодным недовольным тоном произнес правитель. – Моего слова будет достаточно? Возвращайтесь в свои земли. Мне не нужны чужаки.

– Мы следуем за своей госпожой, – таким же ледяным голосом, отчеканивая каждое слово, ответил Вилен.

Два жестких взгляда схлестнулись в борьбе. Ни один из мужчин не отводил глаз, показывая, что отступаться от своих слов никто не намерен. Борьба характеров.

– Малейшее подозрение в твой адрес и... – Продолжать молодой мужчина не стал, но старик его ясно понял. Небрежно опущенная на рукоять кинжала рука красноречиво показывала, что может произойти: чужак будет наказан смертью.

– Рагнар, нельзя мешкать. Пока небо полыхает молниями, мы сможем разобрать дорогу, иначе же рискуем застрять в горах в темноте, – послышался голос одного из подданных правителя.

– Отправляемся, – громкий приказ разнесся эхом среди гор.

Все воины вскочили в седла и стали ожидать своего правителя. Их лошади, готовые в любое мгновение сорваться с места, нетерпеливо переминались с ноги на ногу и громко фыркали.

Рагнар, правитель Зангры, подошел к своей нареченной жене и с нарочито небрежной ухмылкой стал осматривать. Он обхватил пальцами ее подбородок и приподнял голову, поворачивая к себе ее лицо то одной стороной, то другой. Девушку возмутило такое поведение: пусть в его глазах она и была унижена позорным обманом ее отца, но разве давало это ему право так оскорбительно обращаться с ней, словно на базаре, где перед покупкой вещь детально разглядывают со всех сторон. Девушка решительно тряхнула головой, стараясь скинуть с себя жесткие мозолистые пальцы, но лишь только усилила их хват.

– Как твое имя? – Рагнар ждал ответа.

– Айна, – немного погодя ответила девушка, как можно увереннее смотря в глаза своему незнакомцу-мужу. Она не хотела показывать, какие чувства он вызывал в ней, и тем более не хотела, чтобы это было как-то использовано против нее.

Мужчина убрал руку и оглянулся в сторону старика с женщиной, видимо, принимая решение в отношении них.

– Поедете в обозе, – наконец, произнес он, а затем как можно громче отдал приказ своим людям. – Возвращаемся.

Рагнар быстро вскочил в седло, а потом с такой же легкостью поднял и усадил перед собой Айну. Его крепкие руки сомкнулись вокруг ее талии словно тиски, лишая возможности даже просто вздохнуть. Казалось, еще немного, и он разломает ее, словно тростинку. От одной мысли, что на этих руках кровь безвинно убитых им людей, бедное сердце замирало в груди, и Айна в тайне молилась поскорее оказаться дальше от этого мужчины.

Долгую дорогу, петлявшую среди скалистых гор, воины сдерживали своих лошадей, но едва местность стала приобретать ровные черты, процессия ускорила шаг. Где-то вдаль выглянула из-за туч луна, едва осветила дорогу путникам, а потом снова спряталась. «Луна, – подумалось Айне, едва только тусклый луч света коснулся земли, – почему она не появляется в наших краях?» И тут же одернула саму себя: теперь эти незнакомые суровые земли отныне будут зваться ей родными.

Айна всю дорогу оглядывалась, ища глазами Вилена и Сениру, и радовалась в глубине души, что не придется ей в полнейшем одиночестве привыкать к полным ненависти взглядам и ядовитым перешептываниям за спиной. Она волновалась за них даже больше, чем за саму себя, и если собственное положение в качестве жены-чужестранки правителя было ей очевидно, то судьба ее провожатых вызвала опасения. Что ждет их в стане врагов? И не принесет ли их добровольное следование за принцессой новых неприятностей двум народам?

Тяжелая рука крепче обхватила ее тело, и вкрадчивый тихий голос совершенно неожиданно раздался совсем рядом с ухом, испугав девушку и вызвав дрожь во всем теле.

– Сиди спокойно. Твои старики едут сзади с моими воинами.

За всю дорогу больше не было произнесено ни единого слова. Только тяжелое напряжение, возникшее между ними, все более сгущалось и теперь отчетливо отражалось на лице правителя Зангры, прочертив глубокие складки на лбу и между бровями. Было понятно, что ему самому, как и ей, было нелегко.

Айна лежала в своей холодной постели и прислушивалась к едва различимым звукам, доносившимся из-за двери ее новых покоев. Замок встретил вернувшийся отряд правителя мрачной тишиной и темнотой. Ни один прислужник не вышел встретить и поздравить своего повелителя и поприветствовать новую хозяйку замка. С первых же мгновений ей дали понять: она здесь не хозяйка а лишь навязанная жена, которую все обязаны терпеть.

Оставалась теперь лишь ночь. Ночь скрепления обряда сочетания браком. Со слов Сениры Айна имела лишь скудное представление о том, что должно было произойти такой ночью, но сама мысль об этом вызывала в ней панический ужас. Однажды ей довелось нечаянно услышать разговоры о том, как «черные варвары» насильно подчиняют себе женщин, и теперь

со страхом вслушивалась в темноту. Она вздрагивала от малейшего шороха или дуновении ветра в ее окна. Ей казалось, что в любое мгновение войдет ее муж, и тогда ей самой не миновать участи тех женщин, имеющих несчастье попасть в руки воинов Зангры. И теперь Айна гадала, что же ей делать: оказывать сопротивление или же смиренно подчиниться в надежде, что все закончится быстро и с наименьшими последствиями для нее?

За окном раздался звучный свист, которому вторил еще один, и еще, пока громкий топот копыт да голоса не сменили этот шум. Айна в страхе соскочила со своего места и бросилась к окну – несколько черных всадников пронесли на своих вороных скакунах по двору и направились вон из ворот замка. И во главе их был Рагнар. Лишь когда тьма поглотила их темные фигуры, Айна отшатнулась от окна и спряталась в тепле своего покрывала. Как нелепо и смешно. Она боялась того, что должно было свершиться этой ночью, настраивала себя... А ее муж просто пренебрег всем и скрылся со своими людьми. Он еще раз показал ей, сколь безразлична ему была жена. Брак, который должен стать гарантом мира, между представителями двух народов, заключен, а отношения между ними его нисколько не волновали, как и она сама. Но означало ли это, что ей теперь придется каждую ночь засыпать со страхом в мыслях, когда же придет ее муж, чтобы забрать у нее то, что отныне ему и принадлежит.

Но ни на следующую ночь, ни многими другими спустя Рагнар так и не пришел...

Глава 3

Правитель должен, в первую очередь, думать о благе своего народа, а уж после – о своем. Только собственные желания не должны идти в рознь с нужной народа, отягощать подданных и ложиться тяжким бременем на казну. Мудрый правитель должен найти в себе силы сдерживать свое тщеславие во имя общего блага. Особенно в период затяжной войны, уносящей жизни тысяч людей по обе стороны, разоряющей поля, склады с провизией, арсеналы и казну. Рагнара с детства готовили к вступлению на престол, отец внушал ему непреложные истины и мудрость, которую познал за годы своего правления. Это был прекрасный человек, верный своему народу, всей душой желавший остановить кровопролития, но по жестокой усмешке судьбы, в годы его правления ситуация лишь усугубилась. Правитель Моргаша, словно обезумевший, заручившись поддержкой двух соседних земель, с циничной жестокостью совершал нападения на приграничные земли Зангры, опустошая на своем пути все, не оставляя даже камня на камне. Сколько деревень сгорело, сколько полей стали сиротливо-бесплодными. Даже животные покинули те места. Лишь только отряды Зангры несли дозор, постоянно отражая нападения противника.

Рагнар рано потерял мать, она не смогла перенести суровую зиму, и холод с голодом забрали ее горячую душу себе. Отец, постоянно вынужденный быть с армией, чтобы не дать нападающим углубиться в свои земли, лишь урывками мог навещать своего маленького сына. Он оставил его на попечении у старейшин, и до достижения юного возраста мальчик познавал азы военного искусства с охраняющим замок гарнизоном. Мудрые наставники отца, помогавшие ему принимать важные решения, обучали юного наследника наукам и всему тому, чему их самих научила жизнь. В военных условиях дети быстро взрослеют, и отец вскоре впервые взял Рагнара с собой в походы. Он стал для взрослеющего сына самым главным учителем, наставником и другом. Большая часть того, что стало впоследствии взглядом на жизнь и чертой характера, было заложено именно отцом и впоследствии не единожды помогало Рагнару.

Смерть отца стала потрясением для юного наследника Зангры. Правитель остался на поле жесточайшей битвы вместе со своими братьями по оружию. Рагнар вместе с военачальником правого ополчения не успел с подмогой к терпевшему поражение отряду, и на протяжении всей своей жизни он не устал корить себя за это. Правителя погребли с почестями, а Рагнар в семнадцать лет стал новым правителем Зангры. В день коронавания он поклялся сделать все от него зависящее, чтобы завершить эту войну и прекратить смерти ради смертей.

Много лет прошло с тех пор. Много славных воинов полегло в битвах. Много невинных людей и земель пострадало от вражеского оружия. Рагнар, верный себе и своему слову, ради установления мира пошел на вынужденный шаг: в сложившейся ситуации только династический брак между двумя представителями двух враждующих правителей мог гарантировать относительный мир между народами. А дальнейшие действия, направленные на укрепление шаткого мира, могли упрочить дружественные связи. Сколь бы ни была неприятна мысль связывать свою судьбу с врагом, Рагнар шел на такие жертвы ради тех, кто доверял ему свои жизни. Он глава этой огромной семьи и несет личную ответственность перед каждым из своих подданных за любое свое принятое решение. И если он не воспользуется хотя бы малейшим шансом установить перемирие, то как после этого сможет называться правителем и как сможет смотреть в глаза тем, чьи отцы, мужья и сыновья умирали и впредь будут умирать в потерявшей всякий смысл войне?

Все было решено. Старейшины неохотно, но одобрили этот брак, и вот теперь, стоя на вершине горы, где издревле проходили важнейшие церемонии поклонения богам, Рагнар с

тяжелым сердцем ждал. Он все еще сомневался в правильности своего решения: если этот шаг не сможет принести желаемого мира, его подданные потеряют всякую надежду на избавление от бремени разрушений и смертей, а также веру в своего правителя. А это могло привести только к одному – к падению духа и захвату врагами, то есть полному уничтожению людей, живущих на землях Зангры. Именно по этой причине он обязан был связать оба рода правителей едиными узами, чтобы прекратить вражду.

Пожалуй, он больше всех возлагал надежды на этот брак. И стоя на скале под пронизывающим ветром, под ударами грома и вспышками молний слышал собственное сердце, которое колотилось так, словно хотело разбиться о грудную клетку и вырваться прочь. Словно что-то внутри противилось. Рагнар прекрасно понимал, что кладет на алтарь блага свою собственную судьбу, и все же в первую очередь ему надлежало думать о своих подданных, из последних сил борющихся в агрессией соседей и с собственным истощением.

Наконец, из темноты появилась тонкая хрупкая фигура, полностью укутанная в длинную накидку, а следом на скалу поднялись еще двое. Рагнар холодно смотрел на них, не испытывая никаких чувств, кроме желания поскорее закончить эту бессмысленную навязанную церемонию. Он не хотел пышностей и торжественностей, присутствия каких-то гостей из других земель, которые должны были стать свидетелями осуществления сделки в рамках перемирия. Устраивать пышности во время бедствия народа – верх неблагоразумия. Простой народ и так пострадал сильнее всего, потому на их плечи не должно ложиться бремя пополнения казны ради удовлетворения чьего-то самолюбия. К тому же чествовать пышным приемом чужеземку, повинную в гибели их собратьев, было бы оскорблением ко всем павшим и пострадавшим, равно как и их осиротевшим семьям. Больше, на что согласился Рагнар, это проведение ритуала скрепления союза на священной горе у камня Пахлераля. Если этим безбожникам вдруг потребовалось испросить благословения у богов, что ж, пусть будет так, хотя Рагнар совершенно не видел в этом смысла. Да и таинства такие не проводились уже много лет.

За весь обряд он так и не удостоил ни единым взглядом свою невесту: не видел смысла в этом, потому как всю оставшуюся жизнь ему придется день ото дня смотреть на нее и вспоминать все те страдания, что принес ее народ. Хотя монархи часто ссылали неугодных жен подальше, куда-нибудь в отшельные земли, где о них вскоре забывали и, неугодные, они проводили остатки своей жизни в заточении. Кто знает, может быть и ему самому придется поступить так же со своей женой. Не сейчас, когда неприятель будет внимательно следить за своей принцессой, а потом, когда все столкновения сойдут на нет и постоянного присутствия навязанной жены, как гарантии соблюдения обязательств, не потребуется.

Рагнар даже не пытался скрыть своего отношения ко всему происходящему и, в особенности, к пришлой. Дочь самого правителя Моргаша. Что она из себя представляет? Настолько же она мерзостна душой, как и ее родитель? Столь же вероломна и самонадеянна, себялюбива и горда? Так же готова пожертвовать тысячами душ ради собственной выгоды? Рагнар лишь усмехнулся, когда узнал о даре ее отца в знак скрепления брака. А чего еще следовало ожидать от него? Скудные, десятилетия назад выжженные скалистые равнины, на которые уже давно никто, даже дикие звери, не зарились. Не пригодные ни к обороне, ни к земледелию, ни к пастбе, они были лишь только обременением.

Все то время, что проходило таинство, Рагнар пытался уловить настроение своей дружины. Верные соратники, братья по оружию, многие из них стали близкими друзьями еще с детства. Они доверяли друг другу в бою, зная, что любой из них придет на выручку в любой момент. Все они прекрасно знали, какой ценой далось ему это решение, сколько мучительных дней раздумий ушло, прежде чем их правитель огласил свое согласие. Он и сам прекрасно знал их отношение к народу Моргаша. Рагнар даже усмехнулся: да уж, этой девчонке не позавидуешь – отец бросил ее в стан врагов, словно маленького звереныша на растерзание голодным диким зверям. В его землях ее не ждет ничего хорошего.

Из раздумий его вывел голос старца. Церемония подошла к концу и теперь оставалась лишь формальность – надеть кулон. Жены всех правителей носили такие, и его мать в свое время тоже получила от отца прекрасный кулон из яркого синего сапфира, похожего, со слов отца, на ее невероятной синевы глаза. После ее смерти тот кулон остался у Рагнара – такова была воля его матери. Но сегодня на шею своей жене он наденет другой амулет, из холодного топаза. Холодной душе – холодный камень, не тот, что согрет любовью его матери и ее светлым сердцем.

Рагнар видел, сколь напряжена его нареченная, как тщетно пытается скрыть дрожь, скользящую по телу. Она все верно понимала. С этого момента ее жизнь переставала быть беспечной. Стремительным шагом он сократил расстояние между собой и девушкой и резким движением руки опустил на ее худенькие плечи капюшон, скрывавший ее голову. Девушке не нужно было даже поднимать своего лица к нему, чтобы он все понял. НЕ ТА. У дочери правителя Моргаша, Бродики, были волосы цвета ночи. Рагнару довелось несколько раз видеть ее в сопровождении своего отца на редких переговорах на нейтральных землях соседей, созванных для попыток установления мира. Черноволосая чаровница привлекала к себе немало мужских взглядов. Сейчас же перед ним стояла совершенно другая девушка: ее волосы отливали цветом дикого меда, что, по словам старцев, был похож на жидкое солнце. Она испуганно смотрела на него своими огромными светлыми глазами, трепеща, но слишком смело не отводя своего взгляда с него. Боится. Ждет его решения. А он сам не знал, что делать в этот момент. Ему хотелось уничтожить ее здесь, прямо на этом месте, испепелить только силой взгляда, если бы такое было возможно. Моргаш снова не выполнил своих слов. Даже из столь важного шага для обоих народов правитель Моргаша умудрился сделать так, как было бы выгодно ему самому, понеся наименьшие потери... Точнее, не понеся совершенно никаких потерь. Можно ли считать эту сделку свершенной, если брак был заключен не с дочерью правителя, а с простой подданной? Эмоции кипели внутри него обжигающей лавой, не утихая ни на мгновение, грозя спалить все разумные доводы и мысли. Рагнар прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Было очевидно, с какой неохотой правитель Моргаша пошел на этот шаг. У того были свои интересы в присоединении земель Зангры и отступать он явно не хотел. Чего он добивался таким поступком: чтобы Рагнар отказался от свершения брака, а потом объявить всем, что это Зангра не следует договоренностям, и продолжить завоевательную войну дальше?

Рагнар еще раз взглянул на ту, что по злой усмешке судьбы стала его женой. А потом на ее сопровождающих, которые с не меньшим страхом ожидали его решения. Нет, он останется верен своему слову. Если для установления мира должен был быть заключен брак, то так тому и быть. И будь то дочь самого правителя или простолюдинка, Рагнар не отступится от договоренности. Следующим его шагом будет отведение армии на некоторое расстояние от линии боев. Ради своих подданных он пойдет на этот шаг, а там будет видно, насколько Моргаш верен своим словам.

Эта хрупкая мышка всю дорогу напряженно молчала и то и дело оглядывалась назад, чтобы удостовериться, что ее спутники все еще следуют с ними в замок. Рагнар и сам не смог бы ответить, почему он дал согласие на их присутствие в его землях. Старик был силен, не смотря на свои зрелые годы, и так просто не отказался бы от своих намерений. Рагнар решил, что будет лучшим, если враг будет прямо перед его глазами, чем постоянно знать, что он где-то притаился и наблюдает. Однако такая привязанность двух стариков к девушке была даже удивительна: не побоялись они бросить вызов самому правителю Зангры, чтобы не оставить свою подопечную одну в чужих землях.

Рагнар обдумывал, что же ему теперь делать со своей женой? Всю дорогу она сидела перед ним, крепко прижатая к его груди, тихая и словно даже покорная. А он сам боролся с искушением сдвинуть ее хрупкое тело с такой силой, чтобы лишить ее последнего дыхания. Его

злость все еще не унялась. Ему хотелось крушить, рычать от разочарования. Обманули, словно мальчишку. Тело сводило от невыносимого напряжения, и было только одно желание – скорее добраться до замка.

Замок встретил их полной тишиной и темнотой. Рагнар усмехнулся: с первых мгновений его подданные дали понять, что ждет девушку здесь. Не легко ей придется. Но никакой жалости он не испытывал, а лишь полнейшее отстранение. Ему было равным счетом все равно. Пусть ее развлекают и прислуживают ее провожатые. Хоть для чего-то сгодятся.

Так и не зайдя в замок, Рагнар в задумчивости проводил ладонью по шее своего коня. Что ж, оставалась лишь одна деталь для скрепления этого брака – брачная ночь. Он окинул взглядом башни своего замка, чернеющие в тьме ночи, а потом потрепал жесткую гриву коня. Напряжение так никуда и не ушло, скапливаясь гневом в груди. Сейчас его молодая жена являла для него в одном лице все вероломство и лживость своего народа, и у него не было ни единого желания даже прикоснуться к ней, марать об нее свои руки. Завтра он подумает над тем, что же с ней делать: оставить узницей в замке или сослать в дальние земли. А пока...

– Собирайтесь, – крикнул он своей дружине, ожидавшей решения повелителя, – пора бы уже поймать этого вепря, что разоряет наши хозяйства.

Это была славная охота. Долгие поиски по следу, погоня по темному, почти непролазному лесу, а потом борьба с диким зверем. В эту ночь им попался зверь опасней – матерый волк, огромный, сильный, быстрый и умный. Рагнар бесстрашно бросался в бой со зверем, давая выход своей накопившейся ярости. Получив несколько глубоких отметин от острых клыков и когтей, он все же поверг хищника в бою, и теперь уставший, но успокоившийся, возвращался вместе со всеми в замок.

– Рагнар, следуешь древнему обычаю: везешь шкуру убитого волка невесте? – рассмеялся Олаф, а следом за ним и вся дружина.

Рагнар не удостоил их ответа, лишь только прищипорил своего коня. Меньше всего он думал о том, чтобы осыпать какими-то подарками маленькую мышку, следуя этим не исполнявшимся много веков обрядам.

Глава 4

День незаметно сменил собою ночь, только Айне казалось, что тьма все еще продолжала править. Серость за окном не могла скрыть приближения ненастного снега с вершин гор. В ее краях снег был не частым явлением, а потому его называли знамением и по нему запоминали важные события. «Это было в тот год, когда снег покрыл север Моргаша...» – так или несколько иначе обозначали вехи истории старожилы. Но в Зангре снег был привычным. Она видела из своего окна, как во дворе замка дети, помогая родителям в работе, носили хворост или везли на маленьких телегах вязанки дров. Те, кто был постарше, несли солому для настилов или теплые шкуры в дом, тащили огромные возы, набитые снедью, бочки с каким-то питьем. Жители Зангры готовились к ненастью.

– Кто-нибудь вообще следит за тем, чтобы в твоих покоях был зажжен очаг? – Недовольный голос Сениры разрезал тишину комнаты.

Айна сокрушенно вздохнула и поправила на плечах теплую меховую накидку, в которой пришла в земли Зангры – ничего другого, более теплого, у нее не было, а из тех скудных вещей, что она взяла с собой, едва ли нашлось что-то, что могло согреть. Девушка так и не сомкнула глаз ни ночью, ни уже прошедшим днем: сначала ее одолевали разные непрошенные мысли, беспорядочным несвязным роем сменявшие друг друга, а затем к чувству опустошенности добавился едва переносимый холод. Огонь в камине медленно умирал, отдавая последние крупинцы своего тепла и превращаясь из пылающего алыми искрами сердца в серый пепел. Всеми оставленная, Айна с тщетностью подавляла в себе чувство страха. Ее мужу она была абсолютно безразлична, если даже не мерзостна. Эту ночь он предпочел провести вне стен своего замка вместе со своей дружиной. И на протяжении всего дня ни он сам, ни его слуги так ни разу не заглянули к ней, чтобы справиться о новой обительнице замка. Из-за двери не доносилось ни единого Айна. В замке ее отца слуги всегда пусть и невидимо, но все же осязательно присутствовали в каждом крыле, неустанно исполняя свою работу. Их всегда выдавал негромкий топот или шарканье о каменный пол, легкое насвистывание мелодии, редкие гроыхания переставляемых предметов либо короткие переговоры. Здесь же было иначе. Тихо. И оттого жутко.

Появление Сениры развеяло тревоги. Айна только сейчас поняла, насколько страшно ей было оставаться одной в темной холодной комнате. Она надеялась, что ее прислужницу-няню разместят вместе с ней, но Сениру с Виленом повели в иное место. И ей оставалось лишь только гадать, что с ними станет.

– Сенира, – с тщательно скрываемым облегчением произнесла девушка, потому что ей не хотелось тревожить и печалить старую нянюшку своими переживаниями и печалью, – где ты была? Я думала, ты придешь раньше. А Вилен? Где он?

– Этот упрямец отправился изучать замок, – голос Сениры не скрывал недовольства, вызванного, по видимому, предшествующей перебранкой со стариком. – Только гнев на наши головы навлечет. Говорила ему, не ходи, еще не улегся гнев правителя. Нет же, ушел. И где теперь его искать? А ну как Рагнар решит, что старик шпионит? Ай... – И старая женщина обреченно отмахнулась рукой.

Айна с беспокойством вслушивалась в ворчанье старой Сениры, понимая, что Вилен и правда поступил очень безрассудно. Вчера Рагнар ясно дал понять, что при малейшем подозрении расправа будет очень скорой и никаких надежд на милосердие не будет. Девушка в тревоге стала мерить шагами комнату, сжав до побеления пальцы, и то и дело останавливалась, чтобы прислушаться к чему-то за дверью.

Сенира хлопотливо изучала комнату своей молодой госпожи, заглядывая в сундуки, стоящие вдоль стен. Там она нашла теплые накидки и платья – простые, без роскоши, но доста-

точные для того, чтобы не замерзнуть в эти холода. Айна не озадачилась осмотром комнаты, всех тех вещей, которые находились в ней, поисками чего-нибудь из теплых вещей. Она даже не задумывалась о том, что со вчерашнего вечера никто так не побеспокоился о том, чтобы принести хоть немного еды для нее.

Не задумывалась до тех пор, пока в комнате не появился Вилен. Он поставил на один из сундуков корзину и открыл тряпицу, накрывавшую сверху содержимое. При одном только взгляде на принесенное, Айна почувствовала, как судорожно сжался от голода желудок.

– Где ты это взял? – не смогла скрыть взволнованного удивления она.

– Ешь, девочка, – по-отечески мягко произнес старик и принялся доставать все из корзины. Холодное вяленое мясо, краюшка хлеба да кувшин с молоком. – Все, что удалось раздобыть. Сенира, на твою долю тоже хватит.

– Вилен, только не говори, что ты... – Айна с сомнением посмотрела на старика, но тут же была остановлена.

– Не украл, не бойся, – усмехнулся он, вручая ей кусок мяса и отломанный край хлеба. – Иногда словами можно добиться большего, чем силой и ловкостью. Пока твой муж развлекает себя охотой, его слуги и знать не знают своих обязанностей по отношению к жене своего повелителя.

– Вилен, ты и сам прекрасно понимаешь, что мне этот титул не принадлежит. Да и ни к чему он мне. Что он мне принес? Оторванность от родных земель, ненависть мужа и его народа. В довершение ко всему еще и вы с Сенирой получаете то же самое.

Старик бережно обнял хрупкую девушку и прижал к себе, словно укрывая от печальной доли. Он гладил ее золотистые волосы и тихо приговаривал:

– Ну-ну, девочка, не горюй. Первое время после перемен всегда самое тяжелое. Потом станет легче. Потом все образуется.

– Образуется ли? – с сомнением спросила Айна.

Вилен лишь только уклончиво ответил:

– В этой жизни все переменчиво.

В дверь негромко постучали, и следом в комнату вошел мужчина средних лет, одетый в простую теплую одежду, выдававшую в нем крестьянина, работавшего при дворце. Он принес в комнату огромную вязанку дров, которую тут же положил возле очага, и принялся заново разжигать огонь. В полном молчании, не выдавая никаких эмоций, он доделал свою работу и так же молча удалился.

– Ах ты старый проныра, – охнула Сенира, – даже не говори, что это не твоих рук дело.

Вилен загадочно ухмыльнулся.

– Женщина, тебя это не должно волновать. Мужское дело – обеспечить едой и теплом, а каким образом это добудется, не ваша забота.

– А отвечать потом за твои поступки кто будет? – не унималась Сенира. – Все мы? Попадешь под немилость Рагнара... Он нам поблажек не даст...

– Уймись, Сенира, – грозно шикнул Вилен.

Сколько бы ни серчала и ни бранилась Сенира на старика, все же не могла она не восхищаться его заботой о маленькой хрупкой девочке, так отличающейся от ее жестокосердного отца – правителя Моргаша. С тех самых пор, как Вилен появился рядом с малышкой, он не переставал быть ее верным стражем и наставником, всегда готовым оберегать ее от злых нападков. Удивительное дело, как он менялся рядом с девочкой, как его суровые черты разглаживались, а глаза приобретали яркий молодежавый блеск. Айна была, пожалуй, единственной, кто нисколько не боялся этого хмурого старика. Привязанность этих двоих друг к другу была просто поразительной. Вилен заменил девочке отца, отдавшего малютку на полное попечение Сенире и совершенно не интересовавшегося ею. Между ними установилось удивительное взаимопонимание, неподвластное никакому объяснению. И Сенира нисколько не удивилась тому,

что Вилен последовал следом за Айной: он считал себя ее защитником, а значит он будет оберегать ее до последнего своего дыхания.

На другой день в комнату Айны принесли и еду, и дрова для очага, и теплую одежду с тяжелыми меховыми накидками.

* * *

Бесконечные долгие ночи сменялись бесконечными днями. Без намека на просвет, будь то солнечный свет или людское отношение. Она была здесь не просто чужой, она была врагом. Это читалось в каждом жесте, каждом косо брошенном на нее исподлобья взгляде, в молчании, тяжелой пеленой окутывающем ее. Даже слуги, вынужденные в силу своих обязанностей проявлять услужливую вежливость и участие, никак не пытались скрыть своего отношения к чужой. Ни один из них не выказывал должного почтения, полагаемого по отношению к жене своего повелителя. Каждый в замке знал, что этот брак был навязанным условием установления первых шагов к миру между двумя землями. Айна понимала, что к ней сейчас относятся скорее как к обузе, которую никто по своей воле не желал держать у себя, но и просто отказаться тоже не имел возможности. Ужаснее всего в ее положении было чувствовать себя жалкой нахлебницей. Было стыдно брать чужой хлеб, греться у чужого камина и понимать, что, по сути, она занимает чужое место, так как Рагнар рано или поздно выбрал бы себе в жены достойную его девушку. Выбрал бы сам. А сейчас ему приходится терпеть ее присутствие в собственном замке, в своих родных землях.

Недели складывались в месяцы, долгие, одинокие, наполненные тоской по дому, по тем, кто был ее семьей, а теперь остался по ту сторону границы и теперь уже должен зваться врагами. Айна была здесь совершенно одна, если не считать присутствия рядом с ней Сениры и Вилена. По собственной воле разделившие с ней участь, они молча сносили все трудности доли чужаков. Гордость не позволила им принимать свой хлеб даром, а потому верные спутники девушки без тени стеснения стали исполнять посильную работу, которую им могли доверить: Сенира чистила котлы и посуду на кухне, Вилен разносил по комнатам и залам дрова, выполнял нехитрую плотницкую работу. Лишь только Айне не позволяли заниматься, как всем казалось, тяжелой работой, не подобающей жене правителя. Хотя она сама прекрасно понимала, с чем это было связано: Рагнар избегал малейшего повода быть обвиненным в неподобающем отношении к своей жене, дочери правителя Моргаша. Любой конфликт означал нарушение договоренностей и мог повлечь за собой новые кровопролития.

День ото дня у Айны все больше крепла мысль, что она похожа на пленницу в этом замке: ни прав, ни обязанностей. Все, что ей оставалось – лишь только влачить жалкое существование, лишённое всякого смысла и пользы. Девушку удручало, что Сенира с Виленом, несмотря на свои годы, вынуждены были работать здесь наравне со всей прислугой, дабы никто не смог попрекнуть их троих в куске хлеба. Ну и что с того, что она дочь правителя Моргаша? Здесь она НИКТО. Для них нищая, убогая или падшая соплеменница всегда будет на ранг выше нее. Они все считали ее избалованной наследницей, и никому невдомек было, что свое право быть сытой и греться у теплого очага Айна зарабатывала даже в стенах замка своего отца, так ни разу публично и не выказавшего своего отцовского отношения к ней. Айна умела не хуже любой ткачихи и белошвейки починить одежду. Ее расшитые рубахи и сарафаны украшали в праздники не одного слугу. Она вполне могла бы справиться и с более тяжелой работой, да только Сенира всегда зорко следила за принцессой, не позволяя ей портить руки. «Ты дочь правителя, – выговаривала ей нянюшка, – и не должна портить свою красоту работой, на которую есть слуги». Айна всегда горячо возражала. Если бы ее красота была нужна отцу, он бы держал ее при себе, как это было с Бродикой, а не отослал от себя подальше.

Бродика. Айна вздохнула и горько улыбнулась: ее сестра точно не смогла бы принять уклад здешних мест. Привыкшая к роскоши вокруг себя, к восхищенным взглядам и немедленному исполнению всех своих прихотей, та не стала бы молча сносить лишения и немед-

ленно затребовала все то, что составляло размеренный уклад ее жизни. Успев оценить отношение жителей Зангры к себе, Айна не сомневалась, что такое поведение вызвало бы еще большую волну негодования и ненависти к «навязанной» жене своего правителя. Мир не может вертеться вокруг одного человека. Тем паче, что в сложившихся обстоятельствах следовало забыть о собственном эгоизме.

Недолгие прогулки во дворе скрашивали однообразные дни. Айна в печальном одиночестве, под острые провожающие взгляды, обходила двор, пока не выучила все его закоулки настолько, что даже с закрытыми глазами смогла бы проделать тот же самый путь. Маленькая, хрупкая, кутавшаяся от непривычного мороза в свою накидку, девушка медленно мерила шагами расстояние вдоль стен, опустив взгляд к земле под ногами. Узница. Самая настоящая узница положения. Не жена, не пленница. Никому не нужная: ни отцу, ни мужу, ни двум народам. Но в ней был ключ к сохранению хрупкой надежды на мир. Первое время Айна часто задумывалась, куда же исчезла Бродика. Сестра по всем разумным доводам должна была стать женой Рагнара, потому что была старшей. Отец до последнего не оповещал никого и пропаже дочери, и даже большинство верных его подданных ничего не знали. Он сохранял на лице маску спокойствия, не подавая никому ни единого повода усомниться в том, что сделка состоится. О таинственном исчезновении сестры Айна узнала лишь накануне. От отца. Это была их последняя встреча. Она никогда не забудет, с каким поразительным спокойствием и выдержкой тот отдал приказание готовиться к отъезду. А потом даже не пришел попрощаться и сказать наставительное отцовское слово. Ее еще долго будет терзать вопрос, было ли ему тяжело в тот момент или же он абсолютно не волновался о ее судьбе. Ее отец всегда был для нее загадкой. Незнакомым и чужим человеком.

Погруженная в свои мысли, Айна не заметила, как дошла до заднего двора, где располагались конюшни и кузница. Здесь кипела работа, а потому на появление непрошенной гостьи никто не обратил внимания. Конюхи выводили лошадей на прогулку или загоняли только что вернувшихся в стойла, тщательно обтирая бока и шеи животных от проступившего пота. Юные помощники до блеска начищали шкуры животных, расчесывали их гривы и убирали стойла. Все животные были подобраны с особенной тщательностью: статные, выносливые – такие способны выдержать многодневные изнуряющие переходы. Должно быть, этими потрясающими животными гордились не только воины, но и сам правитель.

На конюшне все были заняты своей работой, и приход Айны остался незамеченным. Девушка неслышно ступала по разбросанному соломой полу, стараясь не тревожить ни людей, ни животных, однако для последних появление неожиданной гостьи не осталось незамеченным. Чуткие уши наострились, а головы повернулись в ее сторону. Айна постаралась как можно быстрее пройти, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, но все же конюхи, уловив настороженное поведение своих подопечных, успели заметить нежданную посетительницу.

Пытаясь спрятаться от любопытных взглядов, Айна ускорила шаг. Однако направилась она не к выходу, а, напротив, вглубь конюшни, словно что-то неведомое тянуло ее туда, и лишь дойдя до самого конца, девушка остановилась, привыкая к царившему там полумраку. Было тревожно. Негромкое фырканье где-то впереди в темноте вызвал легкий озноб страха. Но постепенно глаза привыкли к полумраку и теперь смогли различить нечто, сокрытое в углу. Айна сделала маленький шаг навстречу и снова остановилась. Огромная темная лошадь лежала на полу, едва находя в себе силы повернуть голову в сторону вошедшего. Животное чуть повело носом, втягивая ноздрями из воздуха запах гостьи, и настороженно стало водить ушами. Айна пораженно смотрела на несчастное создание. Жалость стремительно наполняла ее, раздирая чуткое сердце.

– Брайс, – раздался сзади знакомый мужской голос.

– Что? – девушка ошарашено обернулась и встретила глазами со взглядом крепкого высокого мужчины. Она не слышала, когда он подошел, и его внезапное появление, равно как и вид несчастного животного, заставили ее растеряться.

– Его зовут Брайс, – пояснил мужчина.

– «Быстрый»? – озвучила девушка значение имени.

– Да. Это конь Рагнара. Он был любимцем правителя.

– Что с ним случилось? – Айна вновь обернулась к больному животному и заметила, как тот внимательно вслушивается в человеческую речь.

– Незадолго до свадьбы с вами, принцесса, отряд Рагнара попал в окружение на скалистых землях на границе. Рагнар был сильно ранен, и Брайс вынес его с поля боя. Вернулся с остатками отряда и тут же упал без сил. Поразительное животное. – В голосе мужчины звучало неприкрытое восхищение. – Он нес раненого хозяина несмотря на то, что сам был сильно ранен стрелами, истекал кровью и вывернул ногу. К сожалению, ему уже не помочь...

– Что значит не помочь? – Айна поразила такой несправедливости. Неужели Рагнар настолько бессердечен, что позволил бросить погибать того, кто его спас. Неужели любимцами могут быть только сильные и полезные?

– Боюсь, что не в наших силах вылечить его. Мы бессильны. Последние несколько дней Брайс ничего не ест и даже от воды отказывается.

– Неужели совсем ничего нельзя сделать? – так говорило ее сочувствие к страданиям животного.

– Все, что можно было сделать, уже сделано, принцесса.

– Не называйте меня так, – тихо сказала Айна, – это не мой титул.

Она приблизилась к Брайсу, опустила перед ним на колени и протянула руку. Конь слабо ткнулся носом в ее ладонь и шумно вдохнул ее запах. Громко фыркнул и снова вдохнул. Его печальные глаза неустанно следили за ней.

– Рагнар каждый день приходит навестить верного друга. Но помочь ему ничем не может. – продолжал мужчина. – Ему бы позволить Брайсу уйти и не мучиться. Всего одно указание... А он не может.

Собеседник печально вздохнул и в сердцах махнул рукой. А Айна пораженно смотрела в глаза коню и гладила его морду. Теперь ей стало ясно, что так отчетливо ощущалось в этой части конюшни: боль, обреченность и... тень скорой смерти. Она словно кружила над своей добычей, никуда не торопясь, зная, что жертва никуда от нее не денется. Айна смотрела в блестящие от влаги глаза животного и чувствовала, как боль скручивает ее изнутри. Какой поступок можно назвать милосердным: оставить в живых верного друга, позволив ему день за днем умирать от невыносимых страданий и боли, или же избавить от мучений всего лишь одним приказом и принять на себя муки совести за смерть того, кто спас твою жизнь ценой собственной? Пожалуй сейчас Айна была готова посочувствовать Рагнару. Ее муж не забывал о своем любимце, но принять решение не мог. Смогла бы она в такой ситуации сделать правильный выбор? Или кто-то иной на ее месте, кто обладал милосердным и справедливым сердцем?

Девушка обняла коня за шею и склонила голову, припав к пульсирующей жиле. Она чувствовала, как внутри этого некогда мощного и благородного животного билась жизнь. Он хотел жить. Он должен был жить. Он столько служил верой и правдой своему господину. А теперь одинокий, всеми оставленный, он с немой укором взирал на своих здоровых собратьев и со страхом ждет своего последнего часа. Это страшно, очень страшно ждать и понимать, что ничего сделать не возможно и в любой момент может прийти тот, кто одним взмахом пресечет жизнь.

«Вставай, – мысленно позвала Айна. – Ты слышишь меня, вставай».

Ей хотелось, чтобы Брайс нашел хоть какую-то надежду, за которую можно было бы цепляться как за плот. Надежду, давшую бы силы на борьбу со смертью.

– Ты не должен сдаваться так просто, – она не заметила, как заговорила вслух.

– Не стоит, ему остались считанные дни, если Рагнар не сжалится раньше и не отдаст приказ. Вам лучше уйти.

– Можно я приду к нему еще? – Айна повернула голову в сторону мужчины, но так и не отстранилась от животного.

Ее собеседник лишь пожал плечами. Что он мог ответить ей? Это был ее выбор, этой странной девчонки, которая звалась теперь женой их повелителя. Мужчина испытал странную смесь чувств по отношению к чужеземке: вроде бы должен чувствовать неприязнь, ненависть, а на деле ощущал совершенную сумятицу, вызванную ее неожиданным состраданием к животному.

Айна еще некоторое время провела рядом с Брайсом, но вскоре ей пришлось вернуться в замок. Оставшуюся часть дня ее тревожили печальные раздумья. Ей казалось, что она точно так же обречена на гибель в этом плену, сковавшем ее оковами долга, и теперь оставалось только ждать своего дня.

А на другой день ранним утром изумленные конюхи смотрели, как молодая жена повелителя вбегает в конюшню и скрывается в дальнем краю, где лежал умирающий верный конь господина. Хрупкая девушка таскала в руках охапки соломы для утепления щелей, из которых дул ледяной ветер, да кадушку воды, чтобы обтереть животное. Люди удивленно смотрели на тщетные попытки молодой красавицы позаботиться о Брайсе, но никто не осмеливался подойти к ней и что-то сказать. А упрямая девушка продолжала обхаживать своего подопечного, что-то тихо рассказывала ему и ласково гладила шею и морду.

– Смотрите, смотрите! – Радостный девичий возглас наполнил конюшню. Айна три дня заботилась о животном, с самого утра и до вечера. Эти три дня Рагнара не было в замке, и девушка могла подолгу засиживаться здесь. За эти дни служившие в конюшне уже успели привыкнуть к маленькой хрупкой девушке, трудящейся почти наравне с ними. – Смотрите, он пьет из моей ладони.

А к концу дня ее радостный голос оповестил, что Брайс осилил кусок хлеба. Мужчины лишь только удивленно развели руками, а тот, что поведал молодой госпоже о коне в первый день ее появления в конюшне, еще долго вглядывался в хрупкую фигуру девушки, суетившейся около больного животного. Что в ней было такого, что останавливало от осуждающего взгляда и слова? За столь недолгое время, проведенное с ними, она сумела их поразить.

А Айна радовалась, как ребенок, когда Брайс постепенно, день за днем набирал силы. Когда он смог потянуться к ее руке за порцией ласки и лизнуть ее пальцы. Когда мог пить из ее ладоней и есть небольшие кусочки хлеба или печенья.

Четыре дня Рагнар отсутствовал в замке. Все это время в молчании людей читалось тревожное ожидание. Айна понимала, что только ей одной были не ведомы причины отсутствия ее мужа. Даже Сенира с Виленом не торопились объяснить что-либо. Их лица как никогда были мрачны и обеспокоены, но оба, словно сговорившись, хранили молчание.

На пятый день послышался топот копыт и громкие голоса. Все бросились во двор встречать отряд правителя. Конюшня стремительно опустела, лишь только Айна осталась в дальнем ее конце. Обняв за шею окрепшего коня, она припала к нему и прислушалась. Что там происходило во дворе? Неразборчивый гул голосов. Нетерпеливый топот коней. И вдруг все стихло. Послышался громкий голос Рагнара. Снедаемая непонятными тревожными терзаниями, Айна встала и направилась к выходу. Рагнар обращался к своему народу, его голос был громким, отчеканивал каждое слово так, что во всех уголках двора любой мог услышать своего правителя. Он обводил взглядом каждого, пока не наткнулся на ее фигуру. В мгновение его глаза холодно сверкнули и в негодовании воззрились на нее.

– Наши южные границы подверглись нападению со стороны Моргаша. Лазутчики докладывают, что отряды противника не были отведены от границ. Более того, они были усилены. – Рагнар сощурил яростный взгляд, не сводя его со своей жены. – Начисто сожжены две деревни. Война продолжается, как мы и предполагали.

Глава 5

Усталость растекалась по всему телу, сковывая движения и притупляя внимание. Но здесь уже можно было расслабиться. В стенах своих покоев можно было предаться размышлениям, не боясь чужих глаз и не беспокоясь о том, что сомнения и неуверенность могли отразиться на его лице. Он правитель и должен являть пред своим народом силу и решительность. Должен собственным примером вселять в свой народ уверенность и силу духа. И что с того, что затянувшаяся на многие десятилетия война словно бездна затягивает в черноту все последние силы и эмоции? Он должен личным примером вести людей если не к скорой победе, то хотя бы к стойкости и желанию не опускать руки, бороться за себя и своих близких.

Плеснув из кувшина воды на лицо, Рагнар склонился над большим чаном и всмотрелся в свое отражение в рябющей поверхности водного зеркала. Решительные черты отца все четче проявлялись на его лице. «Сын своего отца» – теперь эту фразу можно было чаще слышать от старых воинов, бившихся бок о бок со своим погибшим правителем и другом. Он не сразу завоевал авторитет и уважение народа и армии. Для этого потребовалось время и колоссальная самоотдача. Видя, насколько предан был отец своей родине, насколько близко воспринимал трудности своего народа, Рагнар просто не мог поступать сколь-нибудь иначе. Это было глубоко внутри него, чувство ответственности и долга. Он, как глава народа, в ответе за каждую вверенную ему жизнь, за благополучие и спокойное существование любого человека его земель. Да, можно быть сколь угодно похожим внешне, но быть достойным своего отца по поступкам и характеру – вот что казалось важнее для Рагнара.

Взгляд переметнулся в сторону. Маленький кинжал, выкованный еще древними мастерами, потерявший былой лоск, но не остроту и твердость металла. Самая памятная и ценная вещь, оставшаяся от отца. Сколько раз он выручал своих хозяев в битвах, спасал не только их жизни, но и жизни многих других людей. Рагнар обтер влажное лицо приготовленным заранее слугами рушником, взял в руки дорогую памяти вещицу и сел на свою постель, задумчиво устремив взгляд в тревожащую тьму ночи. Пальцы дотронулись до холодного металла, прошли по острому лезвию, опасно щекоча чувства, а затем кинжал был сжат ладонью. Рагнар в который раз задавался вопросом, как поступил бы отец в сложившейся ситуации. Рейнолд, почивший правитель, за свои не столь долгие лета жизни и правления сумел заложить первые камни для дороги перемирия между двумя враждующими народами. Благодаря его мудрости и дальновидности большая часть соседствующих народов если не стала союзниками в войне, то осталась в нейтралитете, благоразумно не вступая в ряды какой-либо из противоборствующих сторон. Рагнар сделал все возможное, чтобы не растерять достигнутого. Молодому, совершенно не опытному юному правителю стоило огромных усилий заставить поверить в себя, прислушаться к своим словам и слышать свое мнение. Поддержка верных соратников отца немногим облегчила его задачу, но не в его характере было перекладывать свои обязанности на плечи других.

– Размышляешь? – сухой голос заставил вернуться в реальность. Рагнару не нужно было оглядываться, чтобы понять, кто потревожил его уединение.

– Если я скажу тебе, что отдыхаю, Ивар, ты же все равно не поверишь, – ответил Рагнар и поднялся навстречу вошедшему. Мужчины крепко пожали друг другу руки и обнялись.

Стоявший рядом старик с густой седой бородой, стриженной до уровня груди, тревожно смотрел на правителя. В этом взгляде читалось беспокойство.

– Рагнар, ты, как и твой отец, никогда не тратишь времени праздну, – покачал головой Ивар и сразу же перешел к волнующей теме. – Значит все же война?

– Да, Ивар. Война продолжается. – В голосе Рагнара слышались неприкрытая боль и усталость. – Сверр* не выполнил ни одного данного им слова. Ни одного. Он ловко связал нам руки этой свадьбой.

– А я тебе говорил, верни эту девицу обратно, заяви всем, что были нарушены договоренности...

– Не возможно. Никак не возможно. Это разрушило бы и без того хрупкое перемирие.

– Рагнар, – громкий возглас Ивара заполнил покои, – это перемирие и так было нарушено. Сначала Моргаш подсунил тебе неизвестно кого. А меньше чем через месяц они нарушили наши границы, сжигая на своем пути поля и деревни.

– Я был готов к подобному, – устало проговорил Рагнар. – Перед свадьбой на границах началась сильная активность. Ни о каком отводе войск с их стороны и речи не было. Лазутчики постоянно фиксировали усиление групп и частые передислокации. Трех лазутчиков Моргаша удалось задержать, еще пятерых убили.

Оба напряженно замолчали. Тяжелые безрадостные мысли не мог скрыть ни один из них. На суровом морщинистом лице старого военачальника пролегли тяжелые глубокие морщины, брови сошлись над переносицей. Рагнар устало смотрел в темноту за окном, и со стороны могло показаться, что он полностью ушел в себя, отрешился от окружающего мира. Только Ивар слишком хорошо знал этого мальчишку: тот никогда не терял бдительности, в любой ситуации он подмечал любое малейшее изменение и молниеносно подстраивался под ситуацию. Именно это качество вкупе с мгновенной реакцией и прекрасно тренированным телом делали Рагнара опасным и непобедимым соперником для любого.

– Знаешь, что меня беспокоит? – вдруг произнес Рагнар, так и не выходя из своего состояния. – Беженцы. Их сотни. Они бегут из своих земель. И бегут к нам. Не к своему правителю, а к нам.

– Я знаю, – кивнул Ивар, – несколько семей попытались остановиться в поселении возле замка, но местные не позволили им, опасаясь за себя и своих детей. Мне пришлось разместить их рядом с северным пустырем не только для успокоения жителей замка и окрестных деревень, но и для возможности их контролировать. У них ничего не было с собой. Ни провизии, ни одежды. И у всех маленькие дети на руках. Я распорядился выдать им теплые вещи и обеспечить едой на несколько дней.

– Ивар, это только начало. Следом за ними придут еще и еще, – Рагнар, наконец, сбросил с себя оцепенение усталости и поднялся. Он плеснул в кубок немного вина и одним глотком осушил его. – Их очень много. Наши лазутчики говорят, что по ту сторону границы тоже уничтожено много деревень. Нас пытаются обвинить в нарушениях перемирия.

– Но почему тогда беженцы прячутся у нас?

– Потому что они знают, чьих это рук дело. И они могут сильно испортить планы Сверра настроить свой народ против нас. Земли Моргаша ныне разрознены, люди устали от войны, голода, нищеты и произвола армии. Свои же воины, вместо того, чтобы защищать, только и делают, что грабят дома да насилуют женщин.

Рагнар устало потер двумя пальцами переносицу и продолжил.

– Нам нужно что-то решать с беженцами. Хотим мы того или нет, но они уже на наших землях. Мы не можем кормить их в ущерб собственных подданных. К тому же запасы провизии и так сильно истощились.

– Мы можем рассредоточить их по землям, дать работу, за которую они смогут прокормить себя и семью, – рассудил Ивар.

– Станут ли они работать? Беженцы... Сегодня здесь, но в любой момент могут вернуться в свои дома...

– Рагнар, – старческий голос словно пытался втолковать не замечаемую истину, – ты думаешь, при таких условиях они вернутся в свои дома? Единицы – да, но не большинство.

Их предал собственный правитель, пустив в расход их уклад жизни, все то, что они имели, уничтожив это подчистую. Думаешь, им дадут вернуться к прежней жизни после того, как они искали защиты у врага?

– Ты прав, – в задумчивости покачал головой правитель, – ты прав... Займись беженцами. Расположи их так, чтобы была возможность присматривать за ними. Боюсь, что среди них могли укрыться лазутчики Сверра.

Ивар согласно кивнул, понимая, что разговор подошел к окончанию. Рагнар еще соберет всех военачальников за одним столом, они будут долго обсуждать сложившуюся ситуацию, разбирать мельчайшие детали, делать планы, но это позже. А сейчас вернувшимся из вылазки воинам нужно было отдохнуть.

– Ивар, – голос правителя остановил старого воина почти у двери, – как обстоят дела в замке?

Мудрому наставнику не нужно было пояснений. Он сразу понял, о чем шла речь. Одна ёмкая фраза, а сколько в ней сокрыто вопросов. И забота о собственном народе, и опасения, связанные с новыми обитателями замка.

– Все спокойно.

Дождавшись утвердительного кивка, Ивар удалился из покоев, оставив своего молодого повелителя в одиночестве с его мыслями. Рагнар устало взъерошил волосы руками и стал медленно мерить комнату шагами. От усталости мысли вихрями носились в голове, но ни одна из них так и не формировалась в четкую ясную картину. Следовало бы ненадолго уснуть, привести мысли и тело в порядок, снять многодневное напряжение от бессонных ночей и сражений. Но сон не шел к нему, манил в свои объятия и ловко отступал, уступая место тревожащим думам. Рагнар еще плеснул ярко-алой жидкости в кубок, сел в кресло, стоящее в глубине комнаты рядом с окном и снова стал вглядываться в темноту. Что скрывала она в своей пелене? Какие тайны хранила? Кого прятала под покровом ночи? И можно ли самому укрыться в ней? От собственных переживаний и сомнений. Но именно она помогала воспаленному сознанию унимать буйство красок пережитых событий. Именно она открывала потаенные двери чего-то сакрального, способного достичь истины или прозрения. Именно темнота была неотъемлемым спутником и советчиком при принятии важного решения.

Кубок с глухим звоном ударился о каменный пол и откатился от кресла, оставляя за собой алый след расплывающейся жидкости. Сон все же подкараулил правителя Зангры, улучив момент и унеся в своих объятиях забытья...

Сбор всех военачальников в последнее время всегда затягивался на длительное время. Рагнар внимательно выслушивал информацию каждого, тщательно изучал карты и документы. Когда-то, будучи еще совсем юнцом, он полагался на советы и мнения преданных отцу воинов, но время шло, а по прошествии его накапливался собственный опыт и крепла вера в собственные силы. Теперь Рагнар выслушивал мнения своих помощников, а потом, детально все разбирая, выводил свое решение. Нужно было признать, что за последние несколько лет ему еще ни разу не пришлось пожалеть об этом.

Сперва надлежало решить вопрос безопасности своих границ от внезапных атак со стороны Моргаша. Рагнар понимал, что расслабляться нельзя ни в коей мере, а учитывая, что Сверр не пожалел собственных подданных, которые могли помешать армии своего правителя, отстаивая идею мирного урегулирования затянувшегося конфликта, нужно было оставаться в постоянной готовности к вынужденным отклонениям атак противника. Был отдан приказ усилить гарнизоны, командирам тщательнейшим образом следить за своими отрядами, позаботиться о продовольствии и арсенале.

Когда-то давно отец часто играл с маленьким Рагнаром в фигурки на картах. Он расставлял искусно вырезанных из дерева или камня всадников и воинов вдоль гор, полей или рек, указанных на графическом изображении земель Зангры, и давал сыну волю для маневров.

– А если тебя отрежут от этого крыла? – спрашивал Рейнолд, подвигая темные фигуры к светлым, тем самым отгораживая часть войска маленького Рагнара от остальных сил.

– Тогда я обойду их, – мальчик с энтузиазмом хватался за свои фигурки, чтобы показать отцу свой ловкий ход.

– Запомни, сынок, твое главное преимущество – знание своих земель, – качал головой мудрый правитель. – Зная каждый клочок, каждую пядь, ты даже в самой критичной ситуации сможешь сохранить для себя преимущество. Пусть даже для отступления. Маленькая излучина реки, овраг или холмы, даже простое знание расположения родников всегда будет тебе на руку. А здесь, – на этих словах отец заботливо трепал его по волосам, – можно всего лишь отступить к востоку, чтобы занять холм, а потом сделать так...

Такие игры-уроки не прошли даром для Рагнара, и теперь, применяя их на практике, он отчетливо видел, насколько ценными они были и как помогали сохранять десятки, сотни жизней его воинов, братьев по духу и оружию.

Рейнолд был не только прекрасным правителем, но еще отцом и наставником. Наверно, именно в день заключения союзной сделки Рагнар впервые осознал, что возможно ему самому никогда не удастся стать примером для собственных детей. За те три месяца, что прошли со дня свадьбы, он так и не видел свою новоиспеченную жену. Просто не находил в себе силы посмотреть на дочь лицемерного правителя Моргаша. Ему казалось, что едва только окажется рядом с ней, он не сможет обуздать свои эмоции. Боялся, что сорвется, выплеснет все свое презрение и негодование за те бедствия и страдания, которые терпит его народ. Боялся, что в пылу эмоций может неосознанно навредить девчонке, тем самым окончательно развязать руки Сверру в войне.

Отбросив о себя подобные мысли, Рагнар вновь погрузился в обсуждение и разрешение представших перед Зангрой вопросов. После долгих споров и дискуссий, было решено оставить беженцам выделенный им для временного проживания участок, а также обеспечить недостающими вещами и провизией, понимая, что среди них практически только женщины и дети. Лишь несколько стариков-мужчин пришли вместе с ними, но ожидать от них какой-то опасности даже в столь тяжелое военное время было глупо – слишком уж немощными они были. Рагнар распорядился также выделить земли, которые пришедшие из Моргаша могли бы возделывать, дабы прокормить свои семьи. Зангра не могла полностью обеспечить беженцев, но могла дать им условия для существования. Хотят получить защиту от собственного тирана правителя – пусть так, но только не в ущерб его подданным. Он понимал, что таким решением поднимет волну недовольства среди большинства своих людей, но и бросить на произвол судьбы пострадавших от рук жестокого тирана тоже не мог. Простые люди не должны страдать от неоправданных амбиций их правителя, желающего установить собственный диктат ценой крови своих подданных. Рагнар понимал также, что укрывательство беженцев будет резко отрицательно воспринято Моргашем, но среди тех, кто жил на самой границе земель были семьи, некогда проживавшие в Зангре. Человеческим чувствам не писан закон войны, и двое, разделенные кровавой линией бессмысленных смертей, вопреки всяким доводам и предрассудкам, связывают свои судьбы. Среди тех, кто пришел искать убежище в землях Зангры, было немало его собратьев, которых еще помнили старики. В них текла кровь его народа. Так мог ли он, как правитель, оставить их в беде?

Рагнар откладывал эту встречу до последнего, но долг есть долг. Сколь бы тяжело ни было, он должен был преодолеть себя и свои чувства. Направляясь решительным шагом, гото-

вась к неизбежному, все же у самого порога остановился в нерешительности, отчего-то медля и переживая. Он знал, какие чувства вызовет в нем увиденное, но вот сможет ли их сдержать – этого сказать даже самому себе не мог. Слишком глубоко, слишком больно они засели в нем. Сбравшись с силами, он решительно шагнул в темное помещение и направился в дальний край, чувствуя, как ослабевает его решимость и неколебимость.

Рагнар помнил свой последний визит, то острое щемящее чувство вины и безысходности, когда понимаешь, что иного выхода нет, но не можешь сделать решительный шаг. Когда на тебя смотрят преданные глаза друга, выручавшего не в одном бою, смотрят с надеждой... И глядя в эти глаза, полные доверия, нужно отдать приказ. Приказ одним ударом клинка прекратить мучения. Это было равносильно тому, чтобы отрезать себе руку или часть души. Брайс был не просто любимым конем – он был верным другом. И если существует в жизни связь, крепче кровных, Рагнар с уверенностью сказал бы, что Брайс был его братом. Братом по духу. Братом по силе и смелости. Братом по силе преданности.

В этой части конюшни было темно. Рагнар не сразу смог различить в потемках животное, но едва только глаза обвыклись, он смог различить его темный силуэт.

– Ну здравствуй, друг, – правитель опустил рядом с конем и, обняв того за шею, прижался лбом к широкому лбу животного.

Брайс беспокойно закивал головой, громко зафырчал и попытался подняться на ноги, но бессильно упал на колени. Он попытался подняться еще и еще раз, да только безрезультатно. Отчаяние читалось в каждом движении животного, словно он хотел что-то показать своему хозяину, но не мог.

Глухой звук опрокинувшегося ведра и расплескавшейся воды послышался позади Рагнара, и он стремительно развернулся. Вот уж кого меньше всего ожидал увидеть. И даже глазам своим не поверил. Его жена, словно застигнутый врасплох вор, испуганно смотрела на него, широко распахнув свои большие глаза. Какого нечестивого ее сюда занесло? Рагнар перевел взгляд на валявшееся на полу ведро с остатками воды. Лошади всегда были одним из самых главных, самых веских аргументов в сражении. От их силы и выносливости порой зависел исход битвы. Потому любой воин с особой тщательностью подходит к выбору своего коня и уходу за ним. Вывести из строя часть конницы означало значительно уменьшить шансы на победу в сражении. И вот сейчас, глядя на эту дрожащую девчонку, Рагнар невольно задался вопросом: что она здесь делает? Пролитое ведро в ее руках могло означать только одно: у нее был какой-то план. Как ослабить силы его войска, тем самым дав преимущество своему отцу. Что еще можно ожидать от дочери правителя Моргаша, прогневившего насквозь, пропитавшего лицемерием и фальшью. И вот теперь получалось, что Рагнар оказался прав в своих опасениях, ожидая от своей жены каких-то подобных действий, направленных на то, чтобы помочь своему отцу одержать трусливую неравную победу. Сверр искал любые способы ослабить своего противника: он перекупил ряд торговцев, которые вели свои дела в Зангре, лишив тем самым подданных Рагнара не только возможности приобретать необходимые им вещи или продукты, но и возможность обменивать результаты своих трудов на продовольствие или золотые монеты, а значит, и возможности на вырученные средства приобрести оружие или амуницию воинам Зангры. Сверр действовал хитро и коварно. В этот раз он не побоялся отправить свою дочь вершить свои планы в самое сердце вражеского лагеря. Пожалуй, это была ошибка Рагнара: нужно было сразу же обозначить чужакам пределы дозволенного, а не позволять им беспрепятственно расхаживать по территории замка. Злость так и клокотала в груди. Прежде всего на себя. За ту неосмотрительность, которую он допустил по отношению к чужакам.

– Что ты здесь делаешь? – его голос раскатисто прогремел на всю конюшню.

Девчонка, казалось, еще больше затряслась, а потом вдруг бросилась к нему в ноги, подняла свое лицо к нему и сбивчиво, так, что едва можно было разобрать ее слова, стала говорить.

– Пожалуйста, повелитель, пощадите его, не убивайте. Я уверена, все еще поправимо. Прошу вас...

Совершенно сбитый с толку, Рагнар с непониманием смотрел на девушку, стоящую на коленях в его ногах, и пытался понять, что же происходит. О ком она вела речь? Конечно, одной, такой маленькой и хрупкой, ей не провести такое дело. Есть кто-то еще, кто помогал ей в ее происках. Но кто? Старик, пришедший с ней, или кто-то иной?

– Что ты здесь делаешь? – повторил Рагнар свой вопрос еще жестче, давая понять, что он ждет ее разъяснений. И, небеса, пусть поторопится, потому как с каждым мгновением его терпение теряло силу, а гнев все больше рос. – Ты заешь, что тут нельзя находиться никому, кроме воинов и конюхов?

Айна виновато понурила голову. Ее светлые волосы, забранные в небрежно собранную прическу, выбивались отдельными прядями, обрамляя лицо и скрывая теперь ее глаза. Молчит? Нечего сказать?

Неожиданно девушка вновь подняла свое лицо к нему и снова стала умолять:

– Я вас прошу, повелитель... пощадите, – в голосе ее зазвучали нотки слез, – его еще можно вылечить. Он спас вашу жизнь... Как вы сможете с ним так поступить?..

– Повелитель, – раздался голос конюшего, а затем он и сам появился в поле их зрения. Мужчина, едва только завидев Рагнара и девушку, стоящую перед ним на коленях, нерешительно остановился, расценивая ситуацию.

– Увести ее отсюда, – безликим голосом проговорил Рагнар, глядя на конюшего. – А потом я жду твоих объяснений.

Девчонка беспокойно обернулась на конюшего и вновь заговорила:

– Он ни в чем не виноват...

Но Рагнар не стал ее слушать. Он молча наблюдал, как конюший уводит девчонку, которая у самого выхода еще раз обернулась и бросила на него последний умоляющий взгляд. Поведение его подданного и этой навязанной жены породили в нем сомнения. Неужели он что-то упустил, чего-то не заметил, и теперь эти двое вместе творили свои дела за его спиной? Рагнар никак не хотел в это верить. Даг всегда был верным подданным не только ему самому и его почившему отцу, но и всему народу Зангры. Никогда он не давал повода думать о себе иначе. Не в правилах Рагнара было делать скоропалительные выводы, а потому он ждал возвращения своего слуги.

Тихо заржал Брайс, и Рагнар обернулся к нему. Конь беспокойно водил ушами, втягивал ноздрями воздух и не сводил глаз с выхода, через который недавно удалились Даг с девчонкой. Только сейчас Рагнар обратил внимание, насколько сильно изменилось состояние его любимца: тот словно ожил, даже нашел в себе силы приподниматься, чего не было в последнее посещение перед отъездом. В сознании снова пронеслись слова его молодой жены: «Его еще можно вылечить»...

– Прости, Рагнар, – прервал размышления голос вернувшегося Дага, – я должен был тебе доложить о том, что твоя жена приходит сюда.

– Должен был. Что ей тут понадобилось? – жестко спросил молодой правитель.

– Чтобы ты не подумал ничего плохого, скажу сразу: она всегда была под моим контролем. Она ухаживает за Брайсом, – конюший знал, что его повелитель не любит больших пространственных ответов. Только по существу.

Рагнар удивленно вскинул одну бровь кверху.

– Она чужая, Даг. Дочь Сверра.

– Я знаю, – был короткий и спокойный ответ. – И знаю причину твоих беспокойств. Причинить вред нашим лошадям никто не сможет, мы все за этим пристально следим. А юная дева искренне озабочена Брайсом. Это благодаря ее заботе он окреп.

Видя колебания своего повелителя, Даг поспешил добавить:

– Здесь каждый предан тебе и нашему народу. Любой из нас отдаст свою жизнь, не задумываясь, чтобы защитить свои земли.

– Иди, – бросил Рагнар через плечо, вернувшись к своему страдающему другу. – Но учти, если что... три шкуры с тебя сдеру.

Еще долго терзали Рагнара противоречивые мысли. Его любимец Брайс, из последних сил балансировавший на грани жизни, за прошедшие несколько дней одержал верх над старухой-смертью. И маленькая хрупкая девчонка, его жена, дочь его врага, с самозабвением обхаживающая умирающее животное, обреченное и безнадежное, готовая умолять на коленях своего врага пощадить несчастного. Простое совпадение? Эта девчонка никак не поддавалась его разуму: ее поразительное спокойствие, с которым она переносила свою долю, усердие и трудолюбие с которыми она и пришедшие вместе с ней старик со старой женщиной исполняли работу в замке, просто сбивали с толку. Он не понимал, чего от них ожидать. И его это до крайности раздражало. Да, в Зангре были люди из Моргаша и многие из них стали частью его народа, но разум отказывался называть Айну частью Зангры. Слишком горькие воспоминания приносил ее отец народу Рагнара, слишком сильно подорвано доверие к семье Сверра. Этого не отнять у души и разума – слишком прочно укоренилось, вросло глубоко.

Но сам того не осознавая, Рагнар уже присматривался к Айне, своей нареченной жене...

–

Сверр (прим. автора: «дикий, бешеный») – правитель Моргаша

Глава 6

– Никуда не пушу. Даже думать об этом забудь. – Сенира сердито качала головой и, устало шаркая тяжелыми башмаками об пол, ходила из угла в угол небольшой комнаты. Глядя на эту сердобольную старушку, едва доходившую до плеча среднему воину и вечно кутавшуюся в свою теплую вязаную шаль, нельзя было и подумать, насколько гневны бывают ее речи и тяжел недовольный взгляд. Не часто приходилось Айне испытывать силу осерчания старой няни на себе, но в каждом таком случае вина девочки была столь неоспоримой, что даже старый Вилен становился на сторону Сениры. – Нечего тебе там делать.

– Это мой долг, – упрямство в голосе не могло скрыть напряжения, сковавшее молодую девушку. Ее выдавали и тонкие пальцы, нервно сжимавшие складки теплого светло-серого платья, и неуверенный взор, устремленный куда-то вдаль, за маленькие окна, выходившие на бескрайние леса, окружавшие замок с западной стороны.

– И чем ты им можешь? Участливым взглядом? Они бежали от своего правителя, и ты думаешь, они будут рады тебе?

В словах Сениры была большая доля правды, и отмахнуться от них никак нельзя было. Однако твердая уверенность Айны была непоколебимой. Это был ее народ, ее семья, и сейчас они оказались в бедственном положении. Так же, как и она сама, они были чужаками в этих незнакомых землях среди людей, не жаловавших их присутствие на своей территории. Эта встреча была больше необходима самой Айне. Вновь оказаться среди своих соплеменников и хоть ненадолго почувствовать себя дома, в семье. Забыть ненадолго острое щемящее чувство одиночества, снедавшее изнутри.

Исчезновение принцессы Моргаша никто не заметил, все были слишком заняты своими обязанностями, даже Сенира, с утра до позднего вечера помогавшая прислуге замка. Маленькая фигурка, укутанная с головой в темно-серую накидку, быстрым уверенным шагом направлялась в сторону лагеря беженцев. Она не пряталась, но в глубине души была рада тому, что на ее пути никто не появился: меньше всего хотелось объяснять, куда и зачем она направлялась. Разыгравшаяся непогода ничуть не осадилась ее намерения, лишь только укрепив в своем решении. Они стали заложниками обстоятельств. Заложниками непомерных амбиций собственного правителя, призванного защищать своих подчиненных, как собственную семью, а вместо этого бросившего их всех на произвол судьбы. Их просто разменяли на призрак господства и величия.

Лагерь беженцев производил удручающее впечатление: широкие палатки из потрепанных временем и ветром шкур, заштопанных местами заплатками из шерстяной ткани, с трудом выдерживали порывы ледяного северного ветра. Едва ли они спасали от холода, но хоть в малой мере облегчали его. Темный дым, поднимающийся кверху из всех щелей, говорил о том, что люди старались согреть то маленькое пространство, которое по злему року звалось теперь их жилищем. Десятки, Айна сумела насчитать несколько десятков таких шатров. Лагерь по размеру был не меньше крупной деревни. Среди снежных равнин он был огромным пятном, укоризненно напоминающим принцессе о гнилостности того, кто по какой-то иронии судьбы был ее отцом. Как сможет она взглянуть им всем в глаза. Старикам, детям, женам и матерям, оставшимся без крова, оставившим своих отцов, мужей и сынов бесполезно сражаться за чуждые идеалы. Айна слышала, что во многих приграничных районах Моргаша жители восставали против армии и власти своего правителя, грабившей и убивавшей своих же соплеменников.

Найти в себе силы, чтобы встретиться с этими несчастными людьми, попавшими в бедственное положение, Айна все же не смогла. Она испытывала какое-то тяжелое чувство вины

перед ними. Отчасти из-за того, что она – дочь правителя Моргаша, который не только не защитил свой народ, но еще больше усиливших их страдания. Отчасти из-за ложных надежд, которые возлагали все на ее брак с Рагнаром. Права была Сенира, зря она пришла. Не в ее силах и положении помочь бегущим от жестокого Сверра.

Опасаясь возвращаться в столь подавленном состоянии от увиденного, Айна бесцельно брела вдоль кромки леса, растянувшегося с юго-восточной стороны от замка. Сенира легко сумеет разгадать по ее эмоциям, что она нарушила запрет и в одиночестве отправилась в лагерь, поэтому следовало несколько унять свои мысли и переживания. Совершенно не задумываясь, она уходила все дальше от замка в манящую тишину леса. Удивительно, насколько отличалось царство природы от того, которое создали люди. Честные законы выживания против лицемерной фальши во имя собственного эгоизма. Лагерь беженцев, как и замок Рагнара, остались далеко позади. Вокруг был лишь только старый лес, укрытый белой снежной пеленой. Он был дружелюбным и гостеприимным. И Айна чувствовала, что здесь она не чужая. Старику-лесу ведь все равно, как она оказалась в этих краях, он просто заботливо впустил ее в свой мир, укрыв тишиной и покоем. Тишина... Здесь и вправду было непривычно тихо. Лишь изредка перекрикивания птиц нарушали порядок, да плутающий след дикого зверя, запорошенный легким снегом, напоминал, что она здесь не одна.

Айна потеряла счет времени. Лишь только легкие сумерки, понемногу опускавшиеся на все вокруг, напомнили, что пора возвращаться. Окинув последним взглядом свой приют, девушка поспешила обратно. Из леса она почти выбегала, боясь опоздать добраться до лагеря, пока тьма не сменила сумерки, а уж вернуться в замок будет куда проще, стоило только обойти большой холм и пройти несколько деревень. Последняя деревня минула, еще немного оставалось до замка... На ее пути возникла темная фигура. Не ожидав встретить кого-то, Айна резко отшатнулась в сторону, но тут же остановилась. Обернулась и тревожно всмотрелась. Все это могло бы сойти за игру воображения, да только стоящий перед ней мужчина самодовольно улыбался, сложив руки на груди. Его голова была скрыта за капюшоном, но сомнений в том, кто перед ней стоял, не возникало. Айна подобрала юбки и бросилась прочь, в замок.

– Не поздновато ли для возвращения? – холодный голос, словно металл, резанул слух.

Айна, никак не ожидавшая быть застигнутой кем-либо, испуганно сжалась и остановилась. Менее всего она хотела, чтобы ее позднее возвращение было замечено Рагнаром, так как его реакция для нее была не предсказуема.

– Позвольте узнать, принцесса, где вы пропадали до столь позднего часа? – Рагнар вышел из тени двора и решительно направился к ней. Огромный и грозный, он возвышался над ней и прожигал ее своим тяжелым взглядом. Несмотря на сильный ветер и холод, на нем была лишь одна рубаха из грубого сукна, заправленная за широкий кожаный пояс плотных штанов из утепленной шерсти, да надетый поверх нее жилет из тонко отделанной овечьей шкуры, немного укрывавших от непогоды. Тут и гадать не приходилось, какое неудовольствие испытывал повелитель Зангры, поймав ее, крадущуюся в замок, словно воришку. Айна знала, что он отправился несколько дней назад с группой своих воинов к границам, и думала, что их отсутствие будет более длительным, а потому его появление сейчас застало ее врасплох.

– Я хотела посмотреть, как устроились беженцы. – Айна уверенно расправила плечи и смело взглянула в глаза мужа. Даже если она его и боится, но вида не подаст. И скрывать правду она не станет.

Рагнар молчал. Ни одной эмоции не отразилось ни на лице, ни в глазах, словно он был высечен из камня.

– Кто тебя сопровождал? – Хмурый пытливый взгляд его ловил каждое изменение, каждый жест.

– Никто. Я ходила одна.

Не верил, это мелькнуло в слегка сузившихся глазах. Его лицо было все той же каменной маской, из-под которой не возможно было ничего уловить. Он смерил ее колючим взглядом и голосом, не предвещающим ничего хорошего, отчеканил, словно отдавал приказ одному из своих солдат:

– Я запрещаю покидать замок. – Чуть склонившись, он ухватил ее за подбородок, заставляя посмотреть в глаза. – Я ясно выразился?

Айна с вызовом ответила на суровый взгляд, но ничего не произнесла. Ее словно сковало оцепенение, исходившее от серых глаз, с ледяной ненавистью смотревших на нее.

– Я ясно выразился? – голос Рагнара стал еще тише и опаснее, и девушка почувствовала, как холодный озноб ледяными волнами прошелся по спине. Еще никогда его лицо не было так близко, настолько, что можно было разглядеть каждую черту, каждую морщинку, залегшую между его сведенных бровей. Крепкие пальцы все еще сжимали ее подбородок, не давая зрительному контакту разорваться. От мужчины веяло силой и опасностью, от которых стыла кровь и непроизвольно задерживалось дыхание. Своей непоколебимой уверенностью он вселял страх. И Айна готова была поклясться, что такое впечатление он производил и на воинов. Словно замороженная этими серыми льдинками в глазах, она просто неуверенно кивнула, давая понять, что все поняла. В горле пересохло, и вымолвить хоть одно слово у нее не получилось бы.

Рагнар резко разжал пальцы и отошел назад. Его глаза все еще холодно взирали на нее, и неприкрытое отвращение в них не возможно было не заметить. Не говоря более ни слова, он развернулся и скрылся в хозяйственной части двора, оставив Айну растерянно смотреть ему вслед. Ее муж не сказал, что ждет за нарушение его приказа не покидать замок, но одно то, как он это произнес, заставляло задуматься о неминуемом наказании заслушание. Более всего следовало задуматься о положении Сениры с Виленом – уж они-то точно пострадают по ее вине.

Давно он не был в этих местах. Сколько прошло с тех пор? Годы? Десятилетия? Пожалуй, он и сам этого не скажет. Слишком много всего произошло за ушедшее время. Слишком многое изменилось. Только память бережно хранила всё, кропотливо собирая осколки событий в бесконечные закрома.

Неслышно диким зверем он шел по окутанному тихим сном лесу, пробираясь аккуратными шагами сквозь чащу, следуя своим инстинктам. Давно забытые ощущения вновь просыпались в нем, будоража мысли и заставляя кровь закипать в венах. Животный азарт разливался по телу, вел вперед. Настоящий охотник всегда уловит тот единственный запах, который в конечном итоге приведет его к своей жертве. Ни с чем не сравнимое удовольствие, пожалуй, самое лучшее во всей охоте – выслеживание. Сначала поиски, долгие или короткие, когда уже можно сделать первые выводы о своей добыче. Нервы натягиваются до предела, все чувства внутри рвутся наружу диким зверем. Затем легкое чувство триумфа – нашел! И вот уже, оставаясь пока не замеченным, оцениваешь свою жертву, понимаешь, насколько лакомым кусочком она оказалась, и, наконец, молниеносно продумываешь свою стратегию. Быстрота и внезапность – вот залог успеха. Не упустить момент. Не выдать раньше времени себя. А затем тело достигает наивысшего апогея концентрации силы, когда каждый мускул сводит от напряжения и предвкушения. Все случается за считанные секунды... Момент торжества... Момент блаженства...

Ловкость и мастерство за долгие годы никуда не пропали, лишь только притупились на некоторое время – до третьей добычи. Да, сегодняшняя охота вышла славной. Внутри сытым диким зверем довольно облизывалось теплое удовлетворение, жмурясь и чуть ли не урча. Но главное, ему удалось остаться незамеченным не только для своей добычи, но и для людей,

обитавших вокруг. Ни к чему лишние пересуды и внимание, которые обязательно навлекут лишь одни неприятности.

Он уже собирался скрыться из чащи леса, как нечто едва уловимое заставило остановиться и прислушаться. Следуя своим инстинктам, он едва слышно пробирался к опушке, уже наверняка зная, кого там найдет. Светлые, словно жидкое солнце, волосы не спрятать под накидкой. Ее он узнал бы из тысячи других. Одна, в чужом диком лесу... и ни капли страха. Он чувствовал это.

Он следил за ней из-за своего укрытия. Следил за каждым шагом, ловил каждый жест, каждую эмоцию на ее лице. Неслышно ступал следом за ней, втягивая до дикости знакомый запах. Он знал о ней все. Каждую мелочь. Изящная. Хрупкая. Но сколько загадок она еще таит в себе.

Воздух завибрировал, выдавая присутствие кого-то еще, и вот из тени деревьев показалась мужская фигура и преградила путь той, в чьих волосах уснуло солнце. Хищный звериный оскал блеснул в темноте, грозный рык глухо вырвался из горла. Пусть только попробует хоть на шаг приблизиться к девчонке – разорвет на месте. Каждый волосок встал дыбом, мышцы снова словно натянутая струна, готовая лопнуть в любой момент... Но слишком смелый наглец быстро убрался восвояси, а интерес к нему быстро позабылся. Провожая взглядом быстро удаляющуюся девушку, не сразу понял, что ощущение чужого присутствия так никуда и не пропало. Он огляделся по сторонам. На другом холме, чуть поодаль, в тени старой раскидистой ели, расщепленной некогда стрелой-молнией Джодока Одхана, виднелась мощная фигура всадника, взгляд которого был прикован к беглянке. В этом всаднике чувствовалась сила и неколебимая мощь. Не чета всем тем, кого доводилось видеть раньше. Истинный вождь своего народа. Но хватит ли у него сил и желания отстоять свое право владеть той, которую нарекли «Светлой»?

Презрительно фыркнув, удостоив последним взглядом молодого, но не менее храброго и опасного, чем он сам, правителя Зангры, он бросился в ночь. Навстречу вновь обретенной свободе. Диким зверем несясь наперегонки с ветром, не оставляя за собой ни единого следа.

Глава 7

В этот раз без потерь. Недолгое затишье, установившееся в последние недели, не могло не радовать, но в то же время держало в настороженности. Слишком уж странным оно было. После затяжных кровопролитных сражений, изуверских разорений и десятков уничтоженных деревень по обе стороны границы... Несколько недель тишины. Не вселяющей надежд, но пугающей.

Следуя во главе отряда, Рагнар окинул хмурым взглядом свои владения. Рано или поздно война закончится, но она еще долгие годы голодным и печальным эхом прощальных песен и одиноких колыбелей будет звучать в каждой семье. Его народу предстоит перенести немало тягот, прежде чем жизнь сможет вернуться в мирное русло. И потому именно сейчас следовало позаботиться о будущем. Нужны были крепкие связи с союзниками. В первую очередь, с теми, кто не боялся открыто выступать против Сверра. Одним богам только было известно, какими методами и средствами тому удавалось переманивать на свою сторону сильные куриды* (прим. автора: куриды – крупные племена, сохранившие свою независимость на землях, не подчиняющихся какому-либо правителю). За последний год дела Зангры сильно пошатнулись: прежние сторонники если не оказались в стане противников, то предпочли не связать себя с осажденными и просто разорвали всякие деловые отношения, лишив народ Зангры столь необходимых торговых связей.

Возле огромных укрепленных ворот их уже встречали десятки подданных, оповещенных дозорными о возвращении отряда. Они с тревогой вглядывались в лица воинов и своего правителя, гадая, все ли вернулись с поля боя. Одно из самых тяжелых испытаний войны – говорить семьям о том, что их муж, отец, сын или брат пал смертью храброго, защищая своих родных и свой народ. Не выразить словами, каким тяжелым камнем на сердце ложилась каждая смерть, как невыносимо было стоять пред глазами, полными неприкрытого горя от утраты. И стыдно. За то, что не уберег. За свое бессилие прекратить это кровопролитие.

– Ивар. – Голос Рагнара разнесся сквозь всеобщий гул. – Ивар.

Молодой правитель успел спешиться и теперь, держа под уздцы своего коня, всматривался в толпу, пытаясь разыскать старого советчика. Долго искать не пришлось, Ивар уже и сам шел к нему навстречу.

– С возвращением. – Старый воин почтительно склонил голову в знак уважения к своему молодому правителю. Заслуженно. Хотя и молодым тот был совсем, но снискал уважение и любовь своего народа. – Есть потери?

– Нет. В этот раз обошлось.

Рагнар отдал поводья подбежавшему помощнику конюха и повернулся к Ивару, легким движением головы приглашая его пройти за стены замка. Мужчины в молчании дошли до высокого холма, с которого открывался вид на долину. Там внизу на равнине, защищенной от ненастья и бури окружавшими ее горами и лесом, располагался лагерь беженцев. Он виднелся огромным темным пятном посреди белых снежных просторов, и хоть расстояние до него было большим, все же можно было разглядеть, как даже в таких условиях кипела жизнь. Люди умеют приспособливаться к любым условиям, сколь бы суровыми и безжалостными те ни были.

– Скажи, Ивар, как обстоят дела с беженцами?

– Все так же: они обустроиваются в лагере. За последние несколько дней приток новых семей приостановился, но все же люди бегут. Многие решили отправиться дальше, минуя наши земли. Мы помогаем лагерю с провизией, теплыми вещами. Жители деревень тоже оказывают помощь, некоторые даже взяли несколько семей к себе, дав им кров и возможность работать, чтобы расплатиться за приют. Но если люди так и будут бежать из Моргаша, то нам вскоре

нечем будет кормить собственный народ. Эти несколько недель затишья показали, что все они вполне могли бы жить и в своих землях, если бы не война. И я уверен, что большинство вернутся, едва только появится возможность.

– Никаких беспорядков, конфликтов с жителями соседних деревень?

– Нет. Я приставил к лагерю небольшой отряд. Мы стараемся предупредить всякие беспорядки заранее. Хотя эти люди настолько измощены войной, что глоток спокойного воздуха для них куда важнее конфликтов и стычек.

Рагнар молча слушал одного из своих старейшин, но с напряжением вглядывался в долину. Все его беспокойство и раздумья сейчас были четко отражены на лице, и старому Ивару не составило большого труда прочесть это.

– Ты чем-то обеспокоен? – Старик тоже устремил свой взгляд на лагерь, пытаясь угадать ход мыслей своего молодого повелителя.

– На границе, у самых скал, мы задержали лазутчика, – после некоторого молчания ответил Рагнар. Голос его звучал сухо и устало, и Ивар сразу догадался, что произошло нечто серьезное. – Он явно кого-то ждал. При нем не было никаких вещей, бумаг, лишь только пара клинков, да и те для защиты.

– Почему ты решил, что он кого-то ждал? Возможно, он разведывал обстановку...

– Нет, Ивар, обычные лазутчики уходят прежде, чем их обнаружат. А этот кого-то ждал. – Сомневаться в словах Рагнара не приходилось. Он, словно хищный лис, имел необыкновенное чутье. Интуиция ли, пылливый ум и наблюдательность, но молодому правителю Зангры доверяли даже опытные военачальники. – До последнего сидел, притаившись под скалой, пока не понял, что это чужие. Лишь только потом попытался убежать.

– Как неосмотрительно с его стороны... – усмехнулся Ивар в густую бороду и усы.

– Если только не ждешь действительно необходимой информации, – задумчиво ответил Рагнар, неотрывно смотря на простирающуюся внизу склона долину.

– Вы уже допросили этого лазутчика?

Казалось, Рагнар и не слышал вопроса. С отрешенным усталым видом он о чем-то думал, скрестив руки на груди. Но потом, словно сбросив оцепенение, с живостью ответил:

– А некого допрашивать, Ивар. Эти собаки носят при себе какой-то яд. – Он спрятал за ухмылкой горечь разочарования. – Маленькая ягода. Но делает свое дело в считанные мгновения.

Война выходила на новый виток, достигала своего апогея, когда не только правители, опытные военачальники и солдаты начинали это чувствовать, но и простой народ. Небывалые доселе волны беженцев. Прекращение торговых связей, резкое деление на «своих» и «чужих». И лазутчики... В последние несколько месяцев приграничные отряды находили десятками следы их пребывания. Вот только редкие единицы попадали в руки, да и те внятной информации не могли дать. А в этот раз... В этот раз рискованность Сверра граничила с наглой уверенностью: он не боялся быть разоблаченным, словно в открытую насмехаясь над своим противником. Что ж, Рагнар принял и этот вызов.

– Усилить наблюдение за лагерем. – Лицо молодого правителя выражало совершенную отрешенность и собранность, равно как и его голос. Он в совершенстве овладел способностью брать верх над своими эмоциями и чувствами, не позволяя страстям овладеть собою и сбить его с выбранного пути. Своей уверенностью Рагнар вселял надежду в своих воинов, в свой народ, придавая им силы для стойкости. – Также усилить бдительность всех отрядов на наших землях. Все торговые караваны тщательно осматривать. О любых подозрениях немедленно сообщать мне. Тот, кого ждал лазутчик, все еще здесь и он еще не исполнил свое задание. Он может затаиться на некоторое время, но мы все же должны найти его.

Ивар, как любой опытный военачальник, умел вовремя распознать, когда беседа окончена и нужно оставить своего правителя одного. Да и большого труда для него это не состав-

ляло: Рагнар буквально впитал в себя все привычки своего отца, порой до поразительной точности повторяя жесты и интонации Рейнолда. Нравился ему этот мальчишка, своим жизнелюбием, своими развитыми не по годам мудростью и уверенностью. И откуда только силы свои черпал? Вот только судьба совсем не ласкова к молодому правителю: с детства не знал он мирного неба над головой, да и родителей боги рано забрали к себе. Еще и свадьба эта с дочерью Сверра... Рагнар понимал, что она ничего не решит, и все же согласился, продолжая ждать новых ударов Моргаша. Однако, уж кому, как не Ивару, было знать, что любое, даже самое невыгодное решение, было тщательно взвешено молодым правителем и принималось практически всегда безошибочно верно. Годы уже доказали правоту многих из них. И пусть, во славу богов, так будет и в этот раз.

А девчонка... Девчонка Сверра не так уж проста, как кажется на первый взгляд. Что-то неуловимо-необъяснимое привлекало к ней внимание. Безошибочно распознающий людей с первых встреч, с Айной Ивар боялся ошибиться в своих заключениях. Старый воин и самому себе не смог бы объяснить, что же именно не давало ему покоя в принцессе-чужестранке, а потому он настороженно приглядывался к ней.

Огромные стены сегодня нещадно давили своей серостью и неприступностью. Защищенности, которую они являли собой, теперь уже было мало – Рагнару хотелось простора, свободы. Мчаться навстречу холодному ветру, высвобождая из плена забот самые важные мысли. Остаться один на один со своими догадками.

Ночь неслышно вступала в свои права, окутывая во тьму сперва леса, а затем равнины с горы. Она фанатично отплясывала свой танец, кружа с ветром и хлопьями снега, падавшими огромными хлопьями из черных туч. Сбивала с дороги и скрывала свет видневшихся вдали огней замка. В здешних краях ночь всегда была сурова. Она жестоко наказывала любого, пренебрегшего теплым кровом. Вот только народ Зангры нельзя было сломить. В своих молитвах люди все еще зывали к покинувшей их богине Айне, надеясь, что настанет время и они увидят ее явление. Много легенд было сложено о прекрасной светлой богине, разгневавшейся на людей за смерть своей дочери Мареллы, но ни одна из них не давала ответа, как вернуть благосклонность Светлой Айны.

Рагнар давно уже не верил во все эти легенды. Ни одна из них не говорила, какие грехи страдает его народ, во имя какой справедливости терпит жестокое иго Моргаша. Куда смотрят эти боги? Почему они бесстрастно взирают на то, как истребляют невинных? Почему молчат на все отчаянные молитвы? Потерявшие всякую надежду могут и дальше зывать к мифическим богам, а он до последнего будет верить в собственные силы. Пока бьется его сердце, он будет сражаться.

Мчась по окрестностям на своем коне, Рагнар упивался ощущением свободы. Она не опьяняла – будоражила, окрыляла. Его конь, уставший от сдержанного похода, сейчас и сам радовался быстрому бегу, мча своего всадника наперегонки с ветром. Быстрый. Но не Брайс. Увы...

По возвращении Рагнар не мог не навестить своего верного друга, и, к его радости, Брайс встретил своего хозяина уже крепко стоя на ногах. Немыслимо, невероятно! Эта девчонка все же смогла сделать невозможное: отвоевать Брайса у смерти. Никто не верил, даже он сам, а ей удалось. Рагнар был в полнейшем замешательстве. Что же делать с чужеродной принцессой, он не знал. Она совершенно незаметно становилась частью его народа, завоевывая себе место своим усердием и отзывчивостью. Однако... Однако... Рагнар вдруг понял, что по возвращении так и не видел Айну. Он не видел ее среди встречающих, прячущейся, как обычно, в тени двора или за спинами собравшихся. Он не видел ее и в конюшне, как это бывало раньше – даже несмотря на его запреты, она все равно приходила к Брайсу. Трудно было себе признаваться, но

взгляд постоянно блуждал по собравшимся в поисках светловолосой девчонки и безошибочно находил ее в самых неприметных местах, либо в толпе, даже если она скрывалась в своих теплых бесформенных одеяниях. Нелегко ей здесь приходилось: суровый холодный край не чета ее теплой родине, а люди не спешили менять своего мнения, предпочитая держаться вдали от дочери их главного врага. Но ни единой жалобы ни от нее, ни от ее провожатых Рагнар ни разу не услышал. Что ж силы духа и стойкости им было не занимать, но надолго ли их хватит? Несколько месяцев ничтожно мало по сравнению с целой жизнью, на которую их обрекли. Так может быть принцессе Моргаша уже надоело играть в милосердие и она теперь кручинится о своей печальной участи где-то в уютном кресле возле камина? Да вот только что-то в глубине души подсказывало, что не так это.

От Ивара он не раз слышал, что отведенное для нее северное крыло замка Айна со старой помощницей привела в порядок после долгого запустения. Когда-то эта часть замка была отдана в распоряжение его матери. Ее смерть стала тяжелым ударом для отца. Он не разрешал никому приближаться к ее вещам, а на время своих отъездов давал приказания Ивару следить за тем, чтобы покой комнат никто не тревожил. Шли годы, и сам Рейнолд отправился вслед за своей до последних его дней горячо любимой женой. Рагнар долгое время не решался заходить в ту часть крыла, где все так ярко и болезненно напоминало о его невосполнимой потере и одиночестве. Частые военные походы не позволяли ему подолгу оставаться в замке, и со временем опустение и забытие окутало тот мирок, напоминавший о родителях. Насмешка судьбы: дочь его врага возрождала то, что было дорого его памяти и сердцу.

Остановившись под прикрытием старой расщепленной ели на высоком холме, с которого открывался вид и на замок, и на огни видневшегося вдали лагеря беженцев, он уставшим взглядом осматривал свои владения. Сколько сил положено для их сохранения, сколько жизней отдано.

Его внимание привлекла одинокая фигура, пробиравшаяся сквозь снег и ветер. Рагнар долго вглядывался, пытаясь понять, кто это, пока, наконец, не разглядел. Айна – безусловно, это была она. Невозможно было не узнать ее длинные золотые волосы, выбивавшиеся из-под накидки и развевавшиеся на ветру. Она торопилась. По всей видимости, она ходила в лагерь, а теперь возвращалась в замок. Рагнар равнодушно смотрел на девушку, оставляя для нее не замеченным. Теперь стало понятно, отчего он не нашел ее в замке по возвращении. Но что могло заставить ее отправиться одной без сопровождения в такую непогоду?

Ответ не заставил себя ждать. Темной тенью из-за деревьев вышел крепкий мужчина и уверенно встал на пути девушки, укрыв ее собой от взора Рагнара. Кто этот незнакомец? Почему Айна так отпрянула от него? Рагнар внимательно присмотрелся к мужчине: тот не был похож на кого-то из жителей Зангры. Одежда сразу же выдавала в нем одного из прибывших беженцев – для жителей Моргаша здешний климат был слишком суровым и они старались одеваться в более теплые вещи. Несколько мгновений незнакомец укрывал собою принцессу. Несколько мгновений... Совершенно некстати в памяти ожили воспоминания о пойманном лазутчике... Можно ли за несколько мгновений передать нечто важное? Вполне. Рагнар ощутил, как внутри начинается подниматься ярость. Возможно ли, что схваченный лазутчик ждал кого-то из этих двоих?

Встреча получилась совершенно короткой, молодая принцесса поспешила в замок, и вид ее был весьма взволнованным. Рагнар задумчиво проводил ее взглядом, не выпуская при этом из виду и незнакомца. Тот снова нырнул в тень деревьев и скрылся. Разрываясь между желаниями догнать возможного доносчика и свою так называемую жену, Рагнар понял, что упустил время: где-то раздался отдаляющийся топот копыт. Даже на своем быстром скакуне он все равно не смог бы догнать беглеца. Сегодня тот сумел скрыться, но это не значило, что ему удастся оставаться не пойманным. Это всего лишь вопрос времени. Бросив последний взгляд в сторону лагеря, Рагнар прищипорил своего коня и поспешил в замок.

В этот раз он просто позволил ей уйти в свои покои. В этот раз не смог допросить ее, как любого другого, подозреваемого в шпионаже. Рагнар все еще сомневался. Что-то говорило ему, что нужно подождать, присмотреться, не вспугнуть, затаиться как делают хищники. Весть о том, что его отрядом был перехвачен лазутчик и что он теперь мертв, еще не успела распространиться, а значит, таинственный шпион еще предпримет попытку передать свою информацию. Дозоры на границе усилили, и уйти незамеченным, как это было доселе, теперь не удастся.

Что же касалось Айны... Рагнар все никак не мог определиться, какие эмоции вызывает она в нем? Он видел ее отчаянное милосердие, с которым она выхаживала умирающего Брайса. И почему-то это не вязалось у него с ее попыткой передать что-то своему отцу. Было бы слишком наивно и глупо встречаться с посланником рядом с замком, где любой дозорный тут же все заметит. К тому же Рагнар успел отметить, с каким испугом отпрянула девушка от незнакомца, преградившего ей путь. Она явно не ожидала увидеть того. А потом испуг в ее глазах... Рагнар был уверен, что ему это не показалось. Напускная храбрость этой маленькой девчонки не смогла ввести его в заблуждение. Он все еще помнил, как блестел страх в зелени ее очей, как дрожал ее подбородок в его руке. И, Одхан его раздери, он помнил ее запах: сладкий, влекущий, теплый, медовый – если бы солнце имело запах, то, несомненно, он был бы именно таким.

Глава 8

В последнее время она снилась ей все чаще. Ее появление всегда казалось настолько явственным, что даже пробуждение не могло стереть границы сна и реальности. Каждое последующее видение несколько не открывало завесу своей тайны, и Айна снова и снова гадала, кто же является ей. Она не знала, кем была эта женщина, но ее появление всегда несло с собой свет и тепло, оно грело и успокаивало, а ее тихий мелодичный голос еще потом долгим эхом звучал в мыслях. Едва только начинало казаться, что можно разглядеть лицо незнакомки, как оно снова ускользало от взора, прячась в таинственном свечении или забытье. Женщина была ощутима, но в то же время нельзя было разглядеть даже цвет ее волос или оттенок платья. Только Айна была уверена, что эта женщина молода и прекрасна. Странно, но ей казалось, что та и раньше являлась к ней в снах, пусть не столь часто. Но с тех пор, как ее отдали правителю Зангры, эти сновидения стали повторяться чаще. Словно женщина хотела что-то сказать, а быть может уберечь от чего-то.

– Сенира, расскажи о моей маме. Ты знала ее?

Вопрос Аины застал пожилую женщину врасплох. Она на мгновение напряглась, взгляд ее сделался туманным, но потом все это исчезло. Нянюшка, не отрываясь от своего штопанья, слегка осунулась, будто ее взял озноб, и долго молчала. Айна подумала, что Сенира не расслышала ее вопроса, но остереглась спрашивать еще раз, как раздался сухой ответ.

– Нет, не знала.

– А почему? – не унималась девушка. Ей всегда хотелось знать, кем была ее мать и почему она ее совершенно не помнит. С раннего детства эта тема тщательно избегалась, любые разговоры тут же пресекались ее отцом, а старая нянюшка и вовсе делала вид, что не слышала вопросов. Потому поразительным был сегодняшний ответ за столь долгое время. Неужели и правда Сенира не знала ее матери или же ей было что скрывать?

– Твой отец взял меня в замок растить тебя. Где была твоя мать, жива ли или отправилась к праотцам, я не знаю. Мне не говорили про это ничего. А задавать лишние вопросы мне негоже было. Это была единственная работа, которая могла прокормить меня в ту пору.

Да, Айна много раз слышала, что муж и сыновья Сениры погибли на войне, и родственников в городе или поблизости у нее не было. Пожилкой женщине, оставшейся совершенно одинокой, да еще и подавленной вестью о гибели своей семьи, ничего не оставалось, кроме как распродать свое хозяйство, которое она не в силах была вести теперь сама, и податься в замок своего правителя на поиски посильной работы. На ту пору Сверр искал смотрительницу для своей младшей дочери, и Сенира была принята. Для пожилой женщины маленькая принцесса стала новой радостью, ясным светом в темном царстве утрат. И не беда, что их с малышкой отослали в дальние задворки земель Моргаша – там было спокойнее и свободнее. А вскоре и старик Вилен появился в их уединенном жилище. Никто и не помнил уже, откуда он пришел, почему остался. Он просто остался. Несмотря на все недомолвки с Сенирой, они стали главными воспитателями и защитниками для младшей принцессы Моргаша.

– И ты ни разу не слышала о ней?

Айна так просто не сдавалась. Ей было интересно хоть что-нибудь выведать о своей матери. Почему она ее покинула? Быть может, это хоть сколь-нибудь могло приоткрыть завесу тайны столь холодного отношения отца к ней. Сколько себя помнила, Сверр признавал лишь только одну дочь – Бродику, которая была совершенно не похожа на нее: высокая, статная, с совершенно темными волосами, так разительно отличавшимися от ее собственных, глаза,

словно у кошки, и грация богини. Иногда Айне даже казалось, что их матерями были совершенно разные женщины.

– Нет, – коротко бросила Сенира и, поджав губы, погрузилась в свою работу.

Айна тоже взяла в руки плотную тяжелую ткань. Долгие годы она хотела узнать хоть что-то о своей матери, но все тщетно. Среди сотен портретов, хранившихся в замках отца, не было ни одного с ее изображением. Сверр сумел стереть из истории любое упоминание об этой женщине. А вместе с этим была скрыта какая-то важная часть ее собственной жизни. Не потому ли отец всегда держал ее поодаль от себя и с такой легкостью выдал замуж за врага? А теперь поздно было искать ответы. Время безжалостно хоронило их, напрочь стирая любые следы.

И отчего-то Айне очень хотелось верить, что являвшаяся в ее снах женщина – это ее мать. Как жаль, что ни одного воспоминания о ней у нее не осталось. Хотя бы одного, пусть даже смутного, но достаточного хотя бы для воссоздания ее облика в своих видениях. Ее мама так и останется для нее бестелесным образом.

Прогулки с Брайсом стали единственной возможностью покидать стены огромного замка. Глупо было надеяться, что ей позволят в одиночестве разгуливать вокруг замка, и на каждую прогулку в сопровождающие к своей жене Рагнар приставил Дага. Айна была согласна и с таким решением, все лучше, чем быть запертой в высоких неприступных стенах.

Ее любимец быстро шел на поправку, и ежедневные прогулки стали необходимы теперь не только ей, но и самому животному. Брайс, почуяв в себе новые силы, с блеском в глазах вышагивал по просторному лугу недалеко от замка. Айна держала его на длинном поводке, время от времени подходя ближе и поглаживая за теплую мощную шею, чтобы подбодрить. Великолепное животное. Один его вид вызывал трепет и восхищение. Айна не рисковала седлать Брайса, опасаясь, что он был еще слишком слаб для верховых выездов, но глядя на этого красавца, ей так хотелось мчаться, ловя потоки воздуха, и упиваться свободой, хоть такой и ограниченной. Старый Вилен когда-то научил маленькую принцессу верховой езде, благодаря чему Айна могла свободно держаться в седле, чем нещадно раздражала своего отца, говорившего, что женщинам рода правителя не пристало ездить верхом – для этого есть телеги и кареты. Как бы это ни казалось странным, но именно в Зангре Айна почувствовала себя свободной. Даже запрет Рагнара покидать пределы замка не мог подавить в ней чувство радости от отсутствия немилости отца. Она всегда была скована правилами и требованиями, каждое ее действие было сопряжено со страхом вызвать недовольство Сверра. Редкая опека отца постоянно оборачивалась лишь только его раздражение. Здесь же, среди своих врагов, она могла быть самой собой. От нее не ждали ничего, и она могла более не ждать чужого одобрения от своих поступков.

– Даг, пожалуйста, оседлайте Брайса завтра к прогулке. – Айна долго сомневалась, но все же решилась обратиться к помощнику Рагнара.

Мужчина обернулся, и вид его не скрывал сильного удивления.

– Вы хотите отправиться на прогулку верхом?

– Да. – От того недовольного голоса, которым был задан вопрос, Айна поежилась.

– Не думаю, что это лучшая идея. Брайс никогда не признавал никого, кроме Рагнара. Даже я не рискнул бы сесть на него верхом. Рагнар объезжал его лично, и скажу я вам, это была схватка двух характеров. Ни один не уступал другому. Этот дьявол силен и вынослив, как никто другой, но его преданность своему хозяину как у пса, и своим последним боем Брайс доказал это. Пусть Вас не обманывает его спокойствие и покорность, он признает только одного хозяина и будет верен ему до последнего своего вздоха.

– Думаете, он не позволит? – с сомнением спросила Айна, задумчиво глядя на гуляющее животное. Она была поражена столь сильной привязанностью его к Рагнару и даже восхищена. Все-таки животные благороднее людей, им не ведомы коварство и обман, они служат верой и правдой, отдавая всю свою любовь и преданность.

– Не обманывайтесь, принцесса, – предостерег ее Даг. – Мой Вам совет.

Нужно было признать, что день ото дня замок становился уютнее и даже теплее. И как бы ни хотелось признаваться в этом себе, но Рагнар понимал, что заслуга в этом была в первую очередь его молодой жены и ее старой помощницы. Все началось с того крыла замка, которое было отведено под их покои. Рагнар очень боялся, что преобразования навсегда уничтожат все то, что могло еще напомнить ему о матери, но этого не произошло, напротив, поднявшийся из запущения замок стал напоминать ему о том периоде жизни, когда были еще живы и отец, и мать... Когда он был мал и беззаботен...

Тряхнув головой, Рагнар взъерошил свои волосы и направился в конюшни. Даг успел рассказать об улучшении состояния Брайса, и ему не терпелось увидеть все воочию. Он знал, что каждый день Айна выводила идущего на поправку коня на прогулку, и они принесли немалую пользу в скорейшем выздоровлении животного. Что ж, нужно было признать, что эта маленькая принцесса обладала изрядным упорством и верой, раз сумела отвоевать его любимца у смерти.

Рагнар был полон решимости лично удостовериться в восстановлении Брайса, лично оседлать своего вороного жеребца и выехать с ним в луга. Он не терял надежды, что верный друг вновь сможет храбро бросаться с ним в бой и вместе они станут опорой и воодушевлением для их братьев в битвах против захватчиков.

Брайса в конюшне не оказалось. Догадываясь, что Айна могла вновь отправиться с ним на поля, Рагнар все же окликнул Дага, надеясь, что помощник все же не ослушался его приказа сопровождать девчонку. Однако к его недовольству, конюх тут же появился, готовый в любую минуту исполнить любое указание своего повелителя.

– Где Брайс? – Рагнар недовольно нахмурил брови, сам догадываясь, где тот мог быть и с кем.

Даг осмотрелся и лицо его тут же побледнело.

– Одхан ее раздери, – выругался он. – Твоя жена с самого утра находилась здесь. А у меня не было возможности сопровождать ее: твой конь захромал и пришлось сменить ему подковы.

Вот уж действительно, Одхан ее раздери. Своим поступком она не только нарушила его приказ и подвела Дага, но и подвергла опасности свою жизнь. Рагнар помнил, что случилось со смельчаками, попытавшимися хотя бы оседлать боевого коня своего повелителя: многие оказывались едва ли не затоптанными под мощными копытами вороного.

– Только не это, – донесся испуганный голос Дага, и Рагнар посмотрел в ту сторону, куда был направлен взгляд конюха. И тот час же ярость охватила его: снаряжение для верховой езды, обычно висящее на крюках стены, отсутствовало, а это могло означать лишь одно – Айна в одиночестве решила оседлать Брайса. Если тот не затопчет ее до смерти, Рагнар лично высечет ее на площади за ослушание. Глупая девчонка, она не понимала что творила.

– Я же говорил тебе не отпускать ее одну, – сердито бросил Рагнар на ходу, стремительно покидая конюшню.

– Виноват, – донесся ему в спину голос Дага. Помощник стремглав бросился вслед за своим повелителем, переживая, что с Айной может что-то случиться. Он корил себя за неосмотрительность, но постоянно приглядывать за принцессой тоже не мог, так как его обязанности на конюшне тоже требовали исполнения.

– Она не могла далеко уйти со снаряжением, слишком тяжелая ноша для нее, – рассуждал вслух Рагнар, зная, что Даг следует за ним. – Если только... Ты думаешь, она могла бы самостоятельно оседлать Брайса?

– Он ей доверяет.

Вдали показалась поляна, по которой неспешным шагом шла девушка с волосами цвета жидкого солнца, собранными на макушке. Она вела под уздцы огромного вороного коня, то и дело поворачиваясь к нему и поглаживая его нос.

– Она сделала из него безропотного щенка, – с неудовлетворением заметил правитель, не отрывая взгляда от девушки с животным.

– Она вернула его к жизни, – заметил Даг.

– Твоя правда, – спустя некоторое время после раздумий ответит Рагнар, все так же неотрывно смотря на девушку. Слава богам, он успел вовремя, и эта безумная не натворила глупостей, попытавшись сесть верхом...

Но в следующую секунду Айна остановилась и, поглаживая животное по шее, подошла к нему сбоку. Сомнений в том, что она не оставила мысли оседлать скакуна, не оставалось. Брайс стал бить копытом и нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, и Рагнар сразу же понял недовольство животного. Тот мог позволить заботиться о себе той, которая выходила его, но все же хозяином признавал лишь одного – Рагнара. Все последующее произошло слишком быстро: едва только девушка поставила ногу в стремя, Брайс поднялся на дыбы. Хрупкая наездница до последнего пыталась удержаться, хватаясь руками за седло, только сила, с которой сопротивлялся вороной, все же опрокинула ее на землю. В следующее мгновение мощные ноги животного опустились на землю. Конь недовольно фырчал и бил копытами, так и не отойдя от сбитой девушки, которая, к огромному ужасу мужчин, не пыталась даже отползи или укрыться от разъяренного животного. Она совершенно не подавала признаков жизни.

Похолодев от ужаса, Рагнар бросился вперед. Он засвистел, призывая Брайса успокоиться и пойти на призыв хозяина. Уловка удалась, животное стало настороженно водить ушами и, в конце концов, остановилось, чтобы затем направиться в сторону повелителя. На ходу перехватив коня за поводья, Рагнар передал их Дагу, попутно похлопав любимца по шее, чтобы немного успокоить, и, более не мешкая, устремился к Айне. Она лежала без сознания, а на лице застыл испуг. Опустившись на землю рядом с ней, он обхватил ее за плечи и повернул к себе, отводя назад с бледного лица спутанные пряди волос, как почувствовал на пальцах что-то теплое и липкое. Кровь. Из разбитого виска сочилась алая кровь, тонкими ручейками стекая по шее. Мысленно проклиная глупую девчонку в безрассудстве, он стал ощупывать землю в надежде, что копыта Брайса ее не задела и это была лишь ссадина от падения о землю, иначе спасти ее после мощных ударов уже не помогло бы ничто. Рагнар не раз видел, как в боях лошади насмерть затаптывали людей, и лишь счастливым удавалось выжить, оставаясь на всю жизнь калеками. Под пальцами ощущалась холодная поверхность плоского камня. Именно об него и ударилась при падении Айна. Не стоило мешкать ни мгновения. Осторожно подняв на руки девушку, Рагнар поспешил обратно в замок. Требовалось как можно скорее оказать ей помощь, пока еще не поздно.

– Займись Брайсом, – бросил он на ходу Дагу.

Маленькая и почти невесомая, Айна была сейчас в его руках. А его одолевали совершенно противоречивые чувства. С одной стороны, он сильно тревожился, так как произошедшее могло убить ее. А с другой, ему хотелось свернуть ей шею заслушание. Этой выходкой девчонка поставила под угрозу свою жизнь, а также судьбу всего его народа, так как ее отец наверняка посчитал бы смерть дочери отличным поводом для новых, более жестоких нападений. И что больше его тревожило, Рагнар и сам не мог понять.

Тишина вокруг казалась громче самого надрывного крика. Было страшно. Где она? Почему никого не слышно вокруг? Словно вспышка пришло воспоминание о падении, и Айна тут же запаниковала: она умерла? Ей необходимо было увидеть, где она находится, понять... Но собственное тело не слушалось. Веки будто налитые свинцом, едва приоткрылись, но тут же яркий свет свечи ослепил глаза. Старый Вилен в своих рассказах всегда говорил, что по ту сторону жизни души проходят коридор света, прежде чем попасть по ту сторону жизни... И сейчас Айна была склонна верить, что она находится в этом коридоре. Страшно. И холодно. Ужасно холодно. Все тело била дрожь. Ей нужно было встать и идти. Найти выход... Вернуться... Ведь там остались Сенира, Вилен... Рагнар... Ей нужно встать. Но тело не слушалось, скованное пеленой слабости и боли. Ей нужно встать, нужно вернуться...

– Тише, девочка, тише, – теплые руки коснулись ее плеча, а мягкий голос Сениры заполнил ее сознание.

Айна с огромным усилием смогла открыть глаза и в темноте комнаты разглядеть струю женщины. Жива, она все же жива.

– Ох и напугала же ты нас, вертихвостка, – укоризненно покачала головой нянюшка, но в ее голосе было слышно лишь только беспокойство, никакого осуждения или гнева. – Что это тебе в голову взбрело? А если бы этот конь тебя растоптал насмерть? Ты об этом подумала?

– Прости, – прошептала Айна пересохшими губами. – Прости.

– Запомни, девочка моя, одну вещь, – назидательно произнесла Сенира и взяла за руку девушку. – Ты уже не в Моргаше, где нужно было подчиняться лишь отцу. Теперь все иначе. Ныне ты вдвойне несешь ответственность за свое поведение. Любое твоё действие скажется не только на тебе, мне или Вилене, но и на судьбах двух народов. Ты – хрупкий мир меж двумя правителями, и покуда ты жива, даже худой мир – надежда. Твой отец и Рагнар связаны этим браком словно путами, которые сдерживают войну, так не позволяй им развязаться.

В этом была вся Сенира. Она никогда не ругала Айну, но умела в своей речи выделить самое главное, чтобы дать понять о всей сути произошедшего. Действительно, Айна повела себя глупо, Даг ведь предупреждал ее, но она самоуверенно пренебрегла его словами, пошла на поводу у своей безрассудной самоуверенности. Да и его самого выставила не в лучшем свете перед Рагнаром – будто он виноват в том, что произошло с ней. Нужно будет извиниться...

Дверь тихо отворилась, и в комнату уверенным шагом вошел Рагнар. Остановившись в паре шагов от изножья кровати, он скрестил руки на своей широкой груди и в молчании устремил взгляд на раненую жену. Все еще чувствуя слабость и головокружение, девушка все же села в постели и подняла глаза на своего мужа. Этот мужчина был поистине завораживающим, расстегнутые верхние петлицы его рубахи оставляли открытой взору бронзовую кожу, под которой бугрились мышцы, натренированные годами сражений, взгляд Айны так и жаждал опуститься туда, под грубую холщовую ткань. Она скользила взором по его крепкой фигуре, узким бедрам и ногам, обтянутым в темные кожаные штаны... С трудом заставив себя оторваться от столь явного созерцания, девушка подняла глаза выше и тут же пожалела. Нужно было ей просто отвести взгляд в сторону. А вместо этого сейчас она попала в ловушку глаз цвета дикой бури, с яростью взиравших на нее. И не было сил отвести свой взгляд – Рагнар не позволял, словно имел над нею силу.

– Ты нарушила мой приказ. – От ледяного презрения в его голосе Айна поежилась. – Как только ты оправишься, вы покинете этот замок. Слишком много свободы для вас здесь, принцесса. В вашем новом доме стражи получше моих воинов будут. Старый непроглядный лес да горы.

Айна похолодела. Рагнар не ставил новых запретов. Он высылал их. Прочь с глаз, прочь из жизни. Это было самым действенным наказанием: показать, сколь неужодна она для него. Он наконец-то дождался повода избавиться от своей навязанной жены. Себя не было жалко – Айна сама понимала, что заслужила подобную участь своим неповиновением. Ей лишь

было совестно перед Сенирой и Виленом: из-за ее необдуманных действий верные спутники вынуждены будут нести невзгоды ссылки. Девушка перевела виноватый взгляд на свою старую нянюшку – та сидела, опустив голову и покорно принимая свою участь. И то смирение, с которым Сенира слушала Рагнара, ранило хуже всякой крепкой брани. Айна никогда не сможет простить себе той тяжелой участи, которой она подвергла единственных любящих ее людей.

Глава 9

Рагнар стоял на высокой смотровой башне и, скрестив руки, смотрел вслед удалявшемуся отряду. Всего пятеро всадников и один обоз с провизией и вещами, в котором сидели старик со старой женщиной да молодой воин, ведущий упряжь. Он стоял неподвижно, словно изваяние. Ни один мускул не выражал ни единой эмоции, даже мысли затаились, боясь потревожить его. Стоял и равнодушно взирал, как отряд покинул стены замка и неспешно направился в сторону гор. Даже отсюда было заметно напряжение, сковавшее изгнанников. Неожиданно один из всадников остановился и резко развернул лошадь. Золотистые пряди волос, выбившиеся из-под накидки на ветру, тут же выдали Айну. Она смотрела на замок, словно что-то искала. Или быть может она старалась сохранить его в своей памяти, чтобы потом в долгие тоскливые вечера вспоминать о той жизни, которую она потеряла? Девушка остановила свой взор на башне, и Рагнар мог бы поклясться, что она смотрела прямо на него, если бы не знал сам, как хорошо бойницы скрывают за собой тех, кто за ними прячется. Мгновение, другое, и она развернулась на оклики сопровождающих, следуя за ними, а у Рагнара еще долго стояло перед глазами ее лицо, полное сожаления и раскаяния. Это образ прочно въелся в его память, еще долгие дни и ночи преследуя его. Ему теперь казалось, что он обошелся слишком сурово с девчонкой, но она не оставила ему выбора. Никакого иного выбора, Одохан ее раздери.

Маленькая группа скрылась в лесу, а Рагнар еще продолжал смотреть им вслед. Через несколько дней их не будет в непосредственной близости от замка, а значит риск свелся к минимуму. В последние недели среди охотников все чаще стали слышны разговоры о появившемся в их лесах хищнике. Он, словно дьявол, неуловим, но в лесу постоянно находились следы его пребывания: оставленные недоеденными тушки пойманной им дичи, поломанные в погоне за добычей сучья. И следы. Это зверь был хитер, как сотни лис одновременно, он практически не оставлял следов, стараясь ступать по покрытой листьями и мхом земле, еще видневшейся из-под снега, а те, что находили охотники, поражали воображение. Старики спорили меж собой, кому они могли бы принадлежать. «Волчи, определенно, волчи», – сошлось большинство в едином мнении, но только по размеру отпечатки были на добрый порядок больше следа самого крупного волка. Поползли нехорошие слухи. Без особой причины все старались обходить лес стороной, а молодые охотники теперь отправлялись за добычей только с опытными товарищами.

В тот день, когда его несносная жена решила попытать судьбу и оседлать Брайса, охотники принесли страшную весть: в лесу нашли останки людей со следами от зубов хищника. А это значило, что зверь начал охоту на людей. Рагнар со старейшинами осмотрели убитых – его подданных среди тех не было, их одежда выдавала в них прежде всего лазутчиков Сверра. Жестокий хищник в этот раз невольно стал их союзником, застав врасплох врагов, таившихся в темном непроходимом лесу. Но это зверь, и он не разбирает, кто где. Для него все люди одинаковы и для него нет понятия «свой» или «чужие». В этом лесу любой человек – чужой. Сегодня были убиты лазутчики, а завтра на их месте может быть кто-то из народа Зангры. Зверь живет инстинктами, защищая свою территорию от непрошенных гостей и утоляя голод. А потому следовало быть осторожнее.

Еще не успев отойти от вести о столь грозном хищнике, появившемся в его землях, Рагнар обнаружил новую проблему. Айна. Она категорически не желала мириться с его запретами, ставя под угрозу свою жизнь. Он с ужасом думал, что в другой раз этой взбалмошной девчонке вздумается отправиться в лагерь беженцев к своим землякам, а то и вовсе в лес, где она станет очередной жертвой дикого зверя. Для того, чтобы обезопасить ее жизнь, пришлось пойти на крайние меры. Замок Раиньяг располагался высоко в горах, на выступающей над долиной

неприступной скале, в окружении таких же неприступных скал и леса. Веками это сооружение использовалось как опорное убежище, где скрывались беглые союзники. В темноте ночи и сумерках замок казался частью пейзажа и различить его было сложно. И Рагнар был уверен в безопасности Айны. Хотя бы на какое-то время, пока не исчезнет угроза в его землях.

Ее не было в замке восемь дней. Восемь дней, кричащих своей тишиной и пустотой. Оказывается, он уже привык видеть ее, слышать тихий мелодичный голос, похожий на песню. Но больше всего его мучили одни и те же мысли: все ли с ней в порядке? Смогут ли его воины обеспечить ей безопасность? В своих покоях Рагнар все чаще вглядывался в темноту леса, туда, где скрывался Раиньяг. Словно лес мог расступиться и показать ему ту, которая стала главным беспокойством его жизни.

А спустя еще четыре дня охотники стали говорить, что зверь ушел. Свежих следов больше не находили, да и животные стали смелее появляться в лесу. И Рагнару оставалось молиться, чтобы этот хищник более не объявлялся в их краях.

Он следовал за нею днями и ночами. Пять дней пути. Оставаясь не замеченным воинами, он уходил ночью на охоту, но так и не выпускал ее из виду. Ему даже удалось подойти к ней глубокой ночью пока все спали и даже пламя костра уснуло в четных головешках. Он любовался ее прекрасным лицом. Еще день пути – и она будет надежно спрятана за неприступными стенами замка.

Как давно это было... Сейчас уже и не сосчитать. Он смотрел на тонкие черты лица и вспоминал...

«Помнишь ли ты, моя шаянэ, это звездное небо на двоих? Тогда оно было чистым и ясным... Твой смех все так же звучит сладостной мелодией в моих ушах. Твои прикосновения все так же ощущаются моим телом. Яркий свет глаз все так же освещает мое существование... Ты покинула меня, моя шаянэ. Зачем же ты покинула меня? Ты оставила самый драгоценный подарок и покинула меня...»*

Он до последнего смотрел в ее тонкие черты, но лишь едва только слух уловил шевеление, легонько коснулся золотистых волос, а затем бесшумно скрылся в лесной темноте. *«Зачем ты покинула меня, моя шаянэ...»* И лес качал ему в ответ темными листьями, легко шелестя и норовя дотронуться.

—

*шаянэ (древний язык народа Зангры) – любимая.

Глава 10

Звонящая тишина покрывала все вокруг, окутывая обманчивой пеленой спокойствия. Здесь, вдали от оставленных тревог, все казалось настоящим, эфемерным и правильным. Природа знала, как сохранять баланс мира. Людям в силу собственного эгоизма никогда не постичь этой науки, лишь только некоторым откроются тайны первозданной чистоты, но и они лягут тяжелым грузом на бранные плечи и бездонную душу посвященного.

Окруженный со всех сторон неприступными серыми скалами, упиравшимися своими седыми вершинами в самое небо, подпирая или пронзая его, Раиньяг был надежно сокрыт от чужого взора. Серые стены сливались с массивными уступами скалистых фундаментов, превращая замок в неприметную маленькую гору. Огромные горы словно отрешали этот крохотный забытый мир от всего остального. Путь в сердце замка лежал сквозь обрывистые скалы среди петляющих поросших дорожек, сокрытых от любопытствующих взоров, и лишь только сведущие люди могли разобрать, как найти безопасную тропу и не сорваться с огромной высоты вниз. Они были здесь совершенно одни, эти несколько человек: принцесса, ее двое верных старых слуг, небольшая охрана из пятерых воинов да три старых смотрителя замка. Никакой прислуги, наемников, лишь только холод и тишина пустых темных залов да монотонное завывание ветра в длинных печных трубах. Но вопреки мрачным ожиданиям, Айна не чувствовала себя несчастной. В этих суровых краях ей казалось, что она свободна, как никогда ранее. Не было суровых осуждающих взглядов, не было страха снова сделать что-то не так. Каждый из новых обитателей замка был слишком занят своими обязанностями, чтобы еще иметь возможность судить кого-то. А забот хватало всем: в первый же день было нужно разместить с долгой дороги уставших путников, подать им ужин из скудных запасов в подвале, что надежно запрятан под замком, в одной из отвесных скал.

Отныне именно это место будет зваться ее домом. И Айне очень хотелось, чтобы оно стало теплым и светлым не только для нее, но и для тех людей, что вынуждены делить тяготы заточения вместе с ней.

Раиньяг никак не походил на то место, которое использовалось для проживания людей. Весь его внешний вид, начиная от серого камня, из которого были выстроены укрепленные стены, до маленьких окошек, походивших на бойницы, и невысоких башен с едва заметными шпилями, говорил о том, что это сооружение служило надежным укрытием для неких важных лиц. Айна не удивилась бы, если удалось обнаружить огромные арсеналы где-нибудь в подвалах или в тайных пещерах глубоко под горами. Может быть, пребывание тех таинственных гостей и могло быть сколь-нибудь длительным, но ее собственное заточение здесь грозило затянуться на всю жизнь. А посему уют и комфорт для всех вынужденных обитателей Раиньяга отныне зависел от нее.

В первую очередь стоило позаботиться об удобстве для каждого из постояльцев замка. И вновь долгая кропотливая работа до изнеможения вместе с Сенирой, чтобы придать хоть немного теплоты и уюта старым стенам и помещениям. И чтобы заглушить в себе боль от несправедливости и укоров совести. Айна сокрушалась, что это из-за ее неразумной беспечности вынуждены были покинуть свои дома сопровождавшие их воины, да и Сенира с Виленом на старости лет должны сносить тяготы ссылки. Она с горечью смотрела, как старая нянюшка вечерами с трудом разминала окостеневшие от ледяной воды и тяжелой работы пальцы, а ее ворчливый старик наравне с молодыми воинами ходил на охоту в горы, чтобы добыть хоть какое-то пропитание для них всех. Однако вернуть прошлое, увы, было не возможно.

День за днем, умеренными шагами преодолевая равнодушие окружавших ее подданных Рагнара, девушка постепенно завоевывала их расположение своим усердным трудолюбием, чуткостью и искренностью. Никто уже и не вспоминал, кем была Айна, а быть может просто старались не показывать этого. Но она была благодарна за такое отношение. Хвала богам, ей не приходилось жить среди ненависти. Именно здесь, в стенах Раиньяга, она впервые ощутила себя дома, в котором было спокойно и тепло. И лишь в душе осталась пустота, которая никак не желала заполняться. Она тяготила день ото дня лишь сильнее, и время не властно было над нею. Будто сердце ждало чего-то. И день ото дня чувство это лишь только сильнее завладевало душой. Айна могла бы спросить об этом своем состоянии у Сениры или у Вилена, да только поймут ли ее они?

Ей снова снились просторные поля, залитые солнечным светом, обласканные теплом богини Айны. Она бегала наперегонки с солнечными зайчиками, тонула в шелковистой траве и ловила нежные прикосновения-поцелуи бабочек. А потом с радостью бежала с широко раскрытые теплые объятия такой родной и незнакомой женщины, которая стала являться в ее сны каждую ночь. Айна видела себя со стороны маленькой златокудрой девочкой, такой счастливой и беспечной. Они вместе гуляли по лугам, собирали прекраснейшие полевые цветы и вплетали их свои венки. Лес незаметно сменял собою бескрайние пространства полей, образуя причудливый живой дворец со сводом из крон могучих деревьев, сквозь которые причудливо лился свет. Айне нравились эти необычные прогулки. А когда солнце укрывалось за горизонтом, они вместе смотрели, как светлячки зажигают свои огоньки и танцуют в воздухе под затейливые мелодии сверчков. Ей начинало казаться, что все это какая-то неотъемлемая часть ее жизни, что-то важное, что она никак не могла вспомнить. Мама, бесспорно, это была ее мама, Айна чувствовала ее тепло и любовь, слышала ласковый голос, зовущий ее по имени... да только имени своего разобрать не могла. Так же, как и лица прекрасной женщины. Она просто чувствовала все это сердцем, но объяснить даже самой себе не могла.

«Мама, когда-нибудь я узнаю тебя и ты перестанешь быть просто сном», – каждый раз думала Айна, просыпаясь с утра.

И лишь один вопрос никак не давал покоя: отчего же все вокруг Раиньяга казалось ей настолько знакомым?

Время стремительно текло, и суровый край стал заметно теплее для своей гостьи. Даже люди, окружавшие ее, словно оттаяли и оставили свою настороженность. Очень скоро Айна познакомилась с ними: три старых воина – Арнелл, Грегер и Торгер, некогда служивших отцу Рагнара. Когда сила и выносливость стали уступать годам, они оставили военное ремесло, но не перестали служить своему господину и народу, верно и исправно исполняя свой долг и поныне. Их стараниями немалое число таинственных гостей находили укрытие в этих стенах, и только богам было известно, насколько эти преданные своему делу люди повлияли на ход истории. А ныне зрители старого замка скрашивали одинокое заточение юной принцессы Моргаша, отданной по велению злой судьбы и долга в жены их молодому правителю.

– Разве здесь нет гарнизона? – удивленно спросила Айна, разглядывая из окна пустые постройки внутри маленького двора.

Яркий огонь мерно горел в огромной печи в одном из углов небольшого зала, рассеивая темноту и добавляя причудливые узоры-тени на стенах. Вой ветра в трубе разбавлялся с веселым потрескиванием поленьев, брошенных в топку. Вечерами большинство из обитателей замка собирались в этом зале. Двое воинов из приставленных к молодой принцессе в качестве караульных несли свою вахту на башне, а те, что уже сдали пост, отдыхали в своих казармен-

ных покаях. Айна нисколько не сомневалась, что Рагнар приставил их для того, чтобы пресечь всякие ее попытки к бегству. Только ей самой не хотелось никуда сбежать отсюда. Впервые она чувствовала себя настолько спокойно, что даже не желала менять вынужденное затворничество на мнимую свободу под пристальными взглядами, полными ненависти.

– Когда-то здесь и был гарнизон, госпожа, – ответил Грегер. Айна уже успела узнать, что этот мужчина был самым старшим из смотрителей Раиньяга, но голос его сохранил звучность командного тона, а тело еще не забыло военную выправку. И лишь только глубокие морщины, пролегшие по лицу, да серебро седин в волосах выдавали зрелость лет этого величавого воина. – Но когда угрозы с северных земель исчезли, а на границах с Моргашем стало совсем уж беспокойно, здесь остались лишь только мы. Но поблизости есть заставы.

– Грегер, кем вы были на войне? – девушка устроилась удобнее на широкой лавке, стоявшей почти вплотную к теплому очагу, и плотнее укуталась в теплую шерстяную накидку. Ей нравилось слушать этого старика, оказавшегося более охотливым до слов, нежели его соратники.

Мужчина усмехнулся сквозь густые усы и бороду, скрипуче откашлялся и лишь затем ответил:

– Я был лазутчиком.

– И Арнкелл с Торгером тоже были лазутчиками?

– Нет, они били лучниками в войсках. Отменными лучниками, скажу я Вам, госпожа, – с гордостью в голосе произнес Грегер, выдавая, сколь тесно была переплетена его собственная жизнь с жизнью его верных товарищей. – Со ста тридцати шагов дикому веprю в глаз! Ох, немало этих проклятых нелюдей Моргаша полегло от их стрел, да не найдут покоя их души.

Айна притихла, не решаясь что-либо ответить. Да и могла ли, будучи ныне крепко связанной с двумя народами? Теперь душа вдвойне волновалась как за подданных Моргаша, так и Зангры. Встать на защиту одних означало предать других. Может быть, было и лучше, что Рагнар выслал ее из своего замка, оказав тем самым услугу, ведь здесь, вдали от войны, Айна не должна была выбирать, кем она в первую очередь является: принцессой Моргаша или женой правителя Зангры. Ей хотелось быть свободным человеком, который просто живет, а не исполняет свой долг. Все эти условности с самого детства ограничивали ее волю. Вся жизнь была подчинена чужим интересам. А здесь, в высоких стенах Раиньяга, она могла быть самой собой.

– За что Вас сослали сюда, госпожа?

Прозвучавший вопрос вкупе с титулом, который ей никогда не принадлежал, заставил Айну выйти из раздумий. «Сослали». Действительно, сослали, с этим нельзя было поспорить. Но вот истинную причину такого решения Рагнара Айна так и не смогла разгадать. Был ли он настолько осержен ее поступком или все же ее происхождение сыграло решающую роль в нежелании более видеть навязанную жену подле себя – вопросы, на которые никогда уже она не узнает ответов.

– Прошу Вас, не зовите меня так, Грегер. Этот титул мне не принадлежит. – Айна виновато улыбнулась и продолжила, стараясь придать своему голосу как можно больше беспечности. – Думаю, Вашему повелителю пришлось не по нраву его жена...

– Отчего же Вы так решили, моя милая госпожа? – Грегер проигнорировал просьбу своей собеседницы, и Айна невольно поморщилась, вновь слышав подобное обращение, но сумерки в комнате скрыли это от старого воина.

– Можно начать хотя бы с того, что я родилась в Моргаше. – И стыдливо пряча свой взгляд, пояснила. – Я дочь его врага. Дочь правителя Моргаша.

– Очевидно, есть и другие причины? – с мягкой улыбкой произнес Грегер, словно услышанное им не имело ровно никакого значения.

– Я послушалась приказа.

– Думаю, это ближе к истине. – Отчего-то самодовольная полуулыбка старика совсем не вызывала беспокойства. Скорее Айна чувствовала расположение Грегера, его сочувствие. – Неудобных жен ссылали сразу же. Если только не желали получить законного наследника...

Айна была готова поклясться, что покраснела до кончиков пальцев. Ей было неловко признаваться, что она не вызвала у своего супруга даже этого желания. За все прошедшее время Рагнар ни разу не посетил ее покоев. Очевидно, что это последнее, чего он мог бы пожелать. Возможно теперь, когда она сослана в дальние земли, Зангра получит своего законного наследника от другой женщины. Но отчего же стало так печально от этих мыслей? Отчего так кольнуло в груди и так тревожно забилось сердце?

– Так чем же молодая госпожа рассердила Рагнара? – с легкой настойчивостью ворвался голос старика, возвращая Айну из задумчивости.

– Я, вопреки предостережениям правителя, оставила стены замка и решилась оседлать его вороного...

– Уж не Брайса ли? – Раздался изумленный голос, и тут же старик разразился громким хохотом. – Вы или безумная, или наивно смелая. Я помню это существо: дикое и своевольное, словно вышедшее из самой преисподней, оно никого не подпускало к себе. Нет, должно быть, Вы смеетесь над стариком Грегером. Как Вам удалось хотя бы подойти к нему?

– Я ухаживала за ним, когда он был слаб от болезни. – Теперь Айна и сама понимала, насколько ее поступок был безрассудным. В ее голосе слышалась печаль раскаяния, но жалеть о содеянном было поздно. Одно только тревожило ее: что случилось с ее любимцем? Полностью ли он оправился или все так же нуждался в уходе? Навещает ли Рагнар своего верного друга или новый конь стал достойной заменой, вытеснив из сердца правителя прежнего?

В воцарившемся молчании Айна поймала на себе изучающий взгляд Грегера. Мужчина так ничего и не ответил ей, но и без слов было понятно, что в тот самый момент все его впечатления о ней складывались в единое целое. А ей совершенно не хотелось знать, какое оно будет. Она – неудобная дочь правителя Моргаша и нежеланная супруга правителя Зангры. Для осуждающих взглядов она становилась день ото дня сильнее, а сносить чужую жалость ей не хотелось.

Тягостное молчание слишком уж затянулось, и Айна, не выдержав пристального взгляда смотрителя замка, еще плотнее укуталась в свою теплую накидку, словно та могла укрыть ее от любопытствующих глаз.

– Пожалуй, мы слишком засиделись. – девушка оглянулась по сторонам, отмечая, как темнота поглотила замок и горы за окнами. Ночь вступила в свои права. – Если позволите, я Вас отставлю.

– Да, пожалуй, Вы и правы, госпожа. – Старый воин выпрямился и поднялся следом за ней. – Отдых нам нужен всем. За дни Вашего пребывания здесь много работы проделано.

Грегер молча проводил взглядом молодую принцессу и лишь тогда, когда эхо ее шагов утихло где-то наверху винтовой лестницы, он обратился:

– Ну и что ты о ней думаешь? Да не прячься ты, Арнкелл, я знаю, что ты там, за потайной ширмой. Эту девочку ты мог обмануть, но не меня же.

Звучный смех раздался в ответ, но старый соратник Грегера так и не появился.

– Сначала она оседлает Брайса, а потом та же участь постигнет и Рагнара. И он, отнюдь, не будет против.

Смех стал утопать в глубине потайных коридоров замка, и Грегер остался один в зале. Он не сомневался, что причины, побудившие его правителя отослать свою жену из своего замка, крылись в чем-то ином. За простое послушание не отправляли в ссылку. Да еще и в самый укрепленный замок, служивший последним оплотом надежды. Скрытые гарнизоны да близость к границам, через которые можно переправиться в земли надежных союзников, также

делали Раиньяг одним из самых безопасных мест в Зангре. От кого же так охранял Рагнар эту девочку?

Густые сумерки окутывали все вокруг. Солнце никогда не поднималось в землях Зангры, как и в землях Моргаша, выше горизонта, оно лишь в редкие дни ненамного показывалось и слабо освещало скудные поля и горы.

Иногда вечерами, когда становилось особенно тоскливо и от жалости к самой себе едва не раздирало на части, Айна молча смотрела в темноту, туда, где за неприступными стенами и высокими горами скрывался другой великолепный замок Зангры. Ее душа словно рвалась туда, и даже самой себе она не могла бы объяснить, отчего ее печаль была связана именно с тем местом, а не с родным отеческим домом.

Разговор с Грегером затронул невидимые струны души, вновь напомнив ее смиренную участь жить вдали ото всех, не имея возможности познать даже крохи тепла семьи и любви. Ее жизнь была совершенно бесцельной и бесполезной. Рука невольно легла поверх кулона, отданного Рагнаром во время церемонии скрепления брачного союза, пальцы сжали холодный синеватый топаз, отдавая свое тепло бездушному камню. Айна и сама не понимала, для чего она все еще носила этот его. Он стал лишь еще одним свидетельством ее никчемности, как и этот затерянный замок. Холодный камень, словно маленький кусочек льда, которому никогда не суждено оттаять, как и сердцу Рагнара, – она носила это единственное напоминание о своем грозном муже у самого сердца и даже самой себе не могла объяснить, почему ей так тяжело было расстаться с ним. Интересно, вспоминает ли грозный правитель Зангры о своей жене? Так же, как вспоминает его она.

*** **

Прим. автора. Имена новых героев и их значения:

Аркелл – «орлиная защита»;

Грегер – «бдительный»;

Торгер – «копье Тора».

Глава 11

Ночи в горах всегда были на стороне тех, кто хотел затаиться среди неприступности и уединенности природных громад. У самых подножий огромных гор расстилались непроходимые темные леса, которые старались обходить стороной даже дикие звери и птицы, не говоря уже о людях. И только ему одному были по нраву эти непроходимые чащи. Здесь можно было затеряться, не опасаясь появления неожиданных гостей, бродить часами напролет, наслаждаясь одиночеством и погружением в собственные воспоминания. Когда-то он был счастлив здесь. Когда-то именно здесь он потерял все, что было дорого его сердцу. И теперь он бродил в этих давно позабытых чащобах в надежде увидеть ту, что всегда была светом его жизни.

Чуткий нос сразу же уловил приближение чужаков. Их еще не было ни видно, ни слышно, но разве можно обмануть чутье, которое никогда не подводило и столько раз спасало ему жизнь? Затаившись на вершине холма, находясь под защитой раскидистой ели, он наблюдал за небольшой группой всадников, что не побоялась углубиться в самое сердце леса. Статные, сильные, это было заметно даже издали – истинные сыны земли Зангры. Да и правитель их был с ними, именно он вел за собой группу – не узнать его было не возможно. Даже под теплой меховой накидкой он выглядел куда грознее своих воинов. Группа ехала в тишине, лишь изредка правитель оборачивался, чтобы убедиться, что отставших нет.

Что забыл этот мальчишка здесь? Неужто вспомнил о своей маленькой жене, сосланной им же в далекие горы, охранявшие маленький едва приметный замок куда лучше, чем самые крепкие гарнизоны? Нет, отряд проследовал дальше, минуя сокрытую тропу, ведущую к Раиньягу. Лишь только Рагнар чуть замешкался. Пропустив вперед своих воинов, он осадил коня и некоторое время всматривался в темные вершины, но затем прищипорил своего коня, и группа скрылась из виду. Здесь и гадать не стоило: отряд пробирался к северным границами. А следовать за ними ему совершенно было не нужно: все, что интересовало ЕГО сейчас, было укрыто этим лесом и этими горами.

Он часто наблюдал, как она крадучись спускалась с гор и уходила в лес. Маленькая бесстрашная девчонка. Ничто ее не пугало. Несколько раз она едва не угодила в его хищные лапы, но он сам благоразумно уходил.

Он помнил все. Первую встречу в этих укромных местах. Первую робкую улыбку и лучезарные глаза, невероятные зеленые, словно листва в лесу после дождя. Он помнил, как первый раз испил мед ее поцелуев, как познал тесноту ее объятий и жар ее любви. Этот лес хранил их тайну, одну тайну на двоих.

«Где же ты, моя шаянэ?» – в отчаянии воззвал он к небу. Громким воем откликнулось эхо от вершин гор, повторяя его призыв.

Нежные руки легли на его широкие плечи, заскользили к шее и сомкнулись в объятия.

– Как долго я тебя ждала. – И нежный голос стал самой сладкой усладой для его слуха. Она была все такой же, его шаянэ. Прекрасной, самоотверженной и нежной. Она была словно соткана из света. И глаза ее все так же чисты и добры, а уста все столь же сладки и желанны. И он мог бы подумать, что это снова лишь только сон, если бы не ее горячее дыхание на его щеке да податливое тело в его руках.

– Как долго я тебя искал, – только и сумел выдохнуть он. – Моя шаянэ.

В тишине ночи отряд покинул замок и направился к северным границам, мимо непроходимых лесов, неприступных гор. Мимо Раиньяга, укрывавшего в своих стенах гостью. Рагнар

не останавливался в этот раз в старом потаенном замке. Ему следовало как можно скорее оказаться на границе и встретиться с Низаром, правителем граничащих с севера земель Латэра, и не теряя времени, заключить соглашение с теми куридами, что еще имели силы и желание сражаться с захватчиками, несущими с собою смерть.

В последнее время стало совсем тяжело. Война изнуряла, и конца и края ей не было. Сверр не видел для себя иного исхода кроме победы, что для Зангры, равно как и ее союзников означало лишь одно: полное уничтожение всех жителей захваченных земель, всего того, что напоминало бы жестокому завоевателю о непокорном народе. Каждый от мала до велика понимал, за что уходят сражаться их мужья сыны, отцы, братья, но столь долгие битвы могут ввергнуть в уныние любого. Рагнар видел, как устал его народ. К тому же их собственных запасов надолго не хватит. Скудный урожай, собранный с полей в то теплое время, что теперь принято было именовать летом, закончится через несколько месяцев, а ведь им сейчас приходилось принимать во внимание и поселившихся в землях Зангры беженцах. Многие из них и рады были бы обеспечивать себя и свои семьи самостоятельно, да только труд их оказался невостребованным здесь: земледельцы и ремесленники, кузнецы и кочевые пастухи – все они вынуждены были осваивать новые умения под чутким присмотром местных жителей.

Скудеющие запасы можно было бы пополнить, выторговав что-то у соседей, только многие под жестким давлением Сверра не рисковали вести дела с осажденной Зангрой, да и собственного золота едва хватало на содержание армии и закупку провизии. Все имевшиеся запасы уже начали истощаться, а богатых рудников, способных приносить Зангре доход, не было.

В этой ситуации Рагнар возлагал огромные надежды на предстоящий съезд с правителями соседних земель и куридов. Здесь он надеялся достигнуть соглашения об объединении сил для борьбы с завоевателем Сверром, а также добиться для своего народа хоть каких-то выгодных торговых обменов, гарантировавших дальнейшее существование его подданных.

Все это занимало его мысли, пока они не поравнялись с горами, в которых надежным образом был сокрыт Раиньяг. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он отправилглупую девчонку Сверра в старый замок. Все эти дни он просто запрещал себе думать о своей жене, но оказалось, что за сравнительно небольшое время она успела оставить о себе слишком много напоминаний: каждый угол в его большом замке кричал своей обновленностью о принцессе, которой так и не довелось стать хозяйкой в нем, да и Брайс, с каждым днем все тверже стоящий на ногах, как никто другой красноречиво показывал, насколько непостижима была эта светловолосая девушка. Рагнар запретил себе любые мысли о чужаках, возложив все вопросы об их пребывании в Раиньяге на Ивара, зная, что тот в любом случае будет получать от старых смотрителей весточки о новых подопечных. Первое время ему это удавалось, а потом у него и вовсе не было возможности думать о чем-то стороннем – огромная армия Сверра появилась у самых границ Зангры и он во главе своего войска вынужден был в жесточайших битвах отбиваться от совершенно обезумевших в своей дерзости убийц Моргаша. Много сынов Зангры пало храброй смертью. Много их братьев вернулись домой ранеными, да и сам Рагнар не избежал их участи, только чудом уцелел и избежав смерти от вражеского нападения. В ближнем бою воины Сверра были не сильны, а потому всегда старались расставлять ловушки и на значительном расстоянии осыпать противника ливнем стрел, чаще всего смазанных сильнейшим ядом.

Все эти долгие дни Рагнару было не до своей юной жены. А вот сейчас ее красивое в своей наивной искренности лицо возникло из глубин памяти и никак не желало исчезать. Его преследовали эти прекрасные зеленые глаза почти в пол-лица, они проникали глубоко под кожу, задевая что-то живое внутри. Странное дело, именно с Айной Рагнар не знал, как ему быть. Всегда умело принимал верные решения, которые диктовали ему разум и интуиция, а с

нею не получалось. Ему хотелось быть как можно дальше от нее. От греха подальше. Так как сам еще не знал, что же такое порождает в нем эта девчонка с волосами цвета солнца.

– Даже не заедешь? – Поравнявшийся с Рагнаром молодой всадник положил руку на его плечо и, дождавшись внимания от своего повелителя, кивнул в сторону Раиньяга, оставшегося далеко за их спинами.

– Нет времени, – коротко ответил Рагнар. Он, как и всегда, был немногословен. Даже с Халмаром, младшим сыном Ивара, с которым он был дружен с самого детства, Рагнар не спешил делиться тревожными думами, предпочитая подальше прятать их от людских глаз. Прежде всего, он правитель. От него ожидали верных и справедливых решений. И показывать свои слабости перед собственным народом Рагнар просто не имел права. Не в это тяжелое военное время.

– Рагнар, ты не задумывался над тем, что Зангре нужен наследник?

Резкая смена темы застала Рагнара врасплох, и он обернулся к другу:

– С чего вдруг такие разговоры?

– Времена нынче военные... Да и потерь у нас очень много. В последней битве вон как посекали нас. Да ты и сам отнюдь не царапинами отделался. В общем, народ волнуется, а ну как с тобой что-то станется...

– Что со мною станется? – рассмеялся молодой правитель, но смех его получился натянутым и вымученным.

– Это война, Рагнар, – покачал головой Халмар, – а у нее законов нет. Она никого не щадит, не смотрит на положение. Люди боятся: ты после себя не оставляешь надежды. Зангре нужен наследник: как дань традициям, как надежда, в конце концов. У тебя есть жена. Пусть она и дочь Сверра, но она может родить тебе сына. Потом ты можешь забрать ребенка, чтобы воспитать его по нашим законам, а ее сослать в дальние земли.

– Ты живешь идеалами, Халмар, – чуть улыбнувшись, ответил Рагнар, осматриваясь по сторонам. – Даже если со мной что-то и случится, что вам даст наследник в люльке? Во главе войска он не встанет, а Сверр, почуяв слабость противника, непременно этим воспользуется. С наследником или без вам все равно пришлось бы избрать для себя нового правителя, который смог бы встать во главе войска и дать отпор врагу.

– Это не идеалы, друг мой, – упрямо покачал головой Халмар. – Уже сейчас ты сеешь зерно междоусобиц, затягивая с наследником. Ты правитель, и каждый твой шаг, каждое решение влечет последствия для всего народа.

– Халмар, откуда в тебе столько мудрости? – засмеялся правитель Зангры, понимая между тем, что друг его был как никогда прав. Что станется с его народом, если его самого не станет? Либо Сверр подчинит себе разрозненные земли, либо те, кто будет бороться за власть, расклюют Зангру по кусочкам. И тогда вся эта война против завоевателей окажется бессмысленной. Бессмысленной будут смерти тысяч воинов, бессмысленными будут страдания народа.

– Видимо, отец поделился частью своей, – смеясь, ответил тот.

Самой высшей мерой доверия, которую могли оказать собравшиеся на съезде правители, были прошения нескольких куридов о принятии под свою величественную высокую руку с городами и землями. Более всего Рагнар боялся, что не сможет договориться с соседями, но когда добрая половина из них решила добровольно принять подданство Зангры, он растерялся. Такие решения принять в одиночку он не мог: если выгода как для него, так и для куридов от такого предложения была очевидна, то обратную сторону такого присоединения покажет только время да верный просчет. Рагнар не знал, каково истинное положение в куридах, изъявивших желание присоединиться, а главное, как это будет воспринято как Сверром, так и другими землями. Это решение должно было быть принято только в согласовании с собственным народом и советом старейшин. Рагнар прекрасно понимал, что такие прошения были направ-

лены ему не столько из стремления вместе сокрушить общего врага, сколько из попытки снискать защиты у Зангры.

Обратная дорога проходила в полнейшей тьме и тишине. Рагнар размышлял, продумывал каждое свое решение. Но все же для действительно верного шага ему нужно было знать, как действительно обстояли дела у соседей. И помочь ему в этом могли только они одни – три старика, бывших некогда одними из лучших воинов почившего отца.

– Не отставать, – громко скомандовал он своей группе, даже не оглядываясь.

– Решил последовать моему совету? – не без иронии спросил Халмар, едва только они ступили на скрытую тропу, ведущую к Раиньягу.

Рагнар обернулся, и в крошечной темноте было видно, как зло сверкнули его глаза.

– Если тебе нечем заняться, кроме как разводить бабы небылицы, я найду тебе подходящее занятие.

Более он не проронил ни слова, но верный его соратник и без этого понял, что допустил слишком большую вольность в своих мыслях, и предпочел смолкнуть. Его повелитель никогда не допускал кого-либо близко к личным переживаниям, а потому никто не мог с точностью сказать, что же творилось в его душе под маской уверенной решительности.

Разговор со стариками мог подождать некоторое время. Единственное, чего сейчас хотелось, это вновь, как в далеком детстве, подняться на гору и, оставшись один на один с самим собой, попытаться разобраться со всем, что происходило вокруг него. Перекинувшись парой слов с Арнkelлом, он поспешил покинуть укрепленные стены и подняться на вершину. Из задумчивости его вывело едва уловимое движение впереди. Повинуясь инстинкту, Рагнар неслышно последовал за тенью. Он нагнал ее почти у самой вершины. И с удивлением узнал в ней свою жену. Она стояла на краю над самой пропастью, ветер трепал ее легкую накидку и пряди светлых волос, выбившихся их длинных кос. Девушка бесстрашно смотрела вдаль, не замечая ничего вокруг. Рагнар осторожно ступал вперед, боясь, что она может сорваться с высоты, испугавшись его неожиданного появления. Что, Одхан ее раздери, она здесь делала? Для чего девчонке понадобилось забираться на эту высоту одной? Он еще разберется со смотрителями замка, позволившим ей покинуть стены – ведь им был дан приказ следить за нею, беречь, как зеницу ока. Не хватало еще Зангре неприятностей из-за трагедии с глупой непокорной девицей Сверра.

В небе над ними взмыла огромная птица, огласив горы раскатистым криком. Айна гордо выпрямилась, медленно развела руки в стороны, и спустя мгновения Рагнар с ужасом увидел, как она медленно наклоняется вперед, готовая вот-вот устремиться вниз, словно птица, срывающаяся с высокой скалы в желании воспарить над пропастью.

Глава 12

Айна любила подолгу смотреть с высокой башни на горы. Простоявшие здесь не одно тысячелетие, они хранили в своей памяти многие события, одним из которых когда-нибудь станет и она сама. Незначительным, а быть может и таковым, которое поспешат скорее забыть. Если уже не забыли. Люди быстро вычеркивают из памяти все ненужное.

В последние дни ее постоянно преследовали сны, в которых таинственная незнакомка показывала удивительные и до боли знакомые места, которые, однако, Айна не могла вспомнить. Они были залиты солнечным светом, а все вокруг было наполнено безмятежностью. Никогда в своей жизни Айна не видела таких прекрасных мест. Ей отчаянно хотелось рассказать об этих видениях кому-нибудь, но даже родной Сенире она не смела открыться. Как объяснить то, чего нет, а тем более свою веру в это?

Горы, горы... Они скрывали ее ото всех. Надежные и неприступные, холодные и величественные, молчаливые и таинственные. Она стала одной из тех тайн, которые Рагнар спрятал здесь. Он не посчитался с ее хрупкими мечтами и надеждами, не дал ей ни единого шанса. Ее юное сердце хотело любви, той самой чистой и возвышенной, о которой в детстве ей рассказывала Сенира в своих легендах. Ей хотелось познать ту силу материнской любви, которая наполняет женщину и согревает очаг ее дома... А вместо этого она скрашивала темные холодные вечера обитателям Раиньяга, отдавая им свою нерастрченную любовь и искренность.

Не в силах больше жалеть себя, Айна тихо выскользнула из замка и осторожно ступила на тропу, ведущую вверх по склону. Ее безрассудный поступок, конечно же, вызовет недовольство старых смотрителей, но в последние дни ей все чаще приходила мысль, что она чувствует себя заживо замурованной в этих огромных стенах. Свобода от осуждающих взглядов обернулась темницей собственных страхов и одиночества. Шаг за шагом, все выше и выше, пока под ее ногами не разверзлась огромная пропасть. Ветер трепал ее накидку, под которой было лишь одно легкое платье из тонкой шерсти, но Айна этого не замечала. Подставив лицо холодным порывам, она закрыла глаза и чуть подняла лицо, и уже мгновение спустя ощутила, как все тело охватила необычайная легкость и эйфория. На мгновение стало страшно, но затем что-то отпустило ее, и теперь ей казалось, что она стала птицей, расправившей свои крылья и легко парившей над этими самыми горами и пугавшей пропастью. Она видела замок с высоты – он действительно был едва заметен среди ограждавших его гор. Удивительно, насколько реальными были все ее ощущения: этот стремительный поток воздуха в лицо, эти мощные взмахи собственных рук, которые непостижимым образом стали крыльями, и громкий крик свободы, вырвавшийся из груди и отзывавшийся долгим протяжным эхом в горах. Ей хотелось взмыть высоко-высоко, туда, где в небе рождаются звезды... Но что-то ее удержало от того последнего шага, за которым открывалась та новая неизведанная свобода. Что-то, что крепкими путами обвило и потянуло обратно вниз, и Айна тяжелым камнем упала оземь.

Так странно: она видела с высоты эти огромные горы, а потом они стали отдаляться, отдаляться, пока все не потонуло в плотном тумане.

Когда она пришла в себя и открыла глаза, перед глазами возник образ ее мужа. Такой же грозный, каким она его и запомнила. Суровая складка пролегла между его бровями, выдавая крайнее недовольство. А лицо все же не могло скрыть следов измождения. Как и любая юная девушка, она часто предавалась мечтам: ей представлялось, что она откроет глаза и увидит подле себя Рагнара. Отчего же он, как никто иной, так прочно занял место в ее мыслях? Она боялась его суровости, но готова была все отдать, чтобы только судьба дала ей еще шанс свидеться с ним. Пусть это было глупо, наивно, но ведь если в жизни не останется места мечте, что тогда останется человеку, лишенному всего?

Закрыв на некоторое время глаза, Айна мечтательно загадала лишь об одном: чтобы это видение не исчезало, как и все другие.

– Клянусь, если ты не свернула себе шею, я сделаю это сам, – раздался прямо над ней властный голос.

Айна тут же распахнула глаза и едва не задохнулась от нехватки воздуха, когда встрети-лась с горящим от гнева взором. Ей стало страшно. Страшно от той ненависти, которая чита-лась в холодных серых глазах ее мужа. Страшно от его стальной хватки на ее плечах, и теперь Айна понимала, что именно он удержал ее от полета... в бездну. Она растеряно перевела взгляд на крепкие мужские руки, а затем на пропасть, раскинувшуюся рядом с ними.

– Если ты о себе не думаешь, соизволь позаботиться о тех, кто пострадает после твоих выходок. – Грозно продолжил он, крепко сжимая ее, будто боясь, что она вырвется и повто-рит свою глупость. – Твои старики, везде сопровождающие тебя. Трое старых смотрителей Раиньяга и несколько воинов, что несут за тебя ответственность. Неужели тебе действительно настолько безразличны все они, что ты готова обречь их на мой гнев из-за своего нежелания жить? А о судьбах двух народов ты не задумывалась? Твоя смерть лишь только подтолкнет твоего отца к новым, еще более жестоким нападениям под удобным предлогом мести за ско-ропостижную гибель дочери. Ты о ком-нибудь из них хоть раз подумала? Ни ты, ни я не вольны поступать по собственному усмотрению. Но ты должна с достоинством принимать свою судьбу. Слышишь?

Он тряхнул ее за плечи, и Айна лишь слабо кивнула ему в ответ, боясь смотреть в его глаза. Как ей объяснить, что она и думать не думала о том, чтобы прыгнуть по доброй воле в пропасть? Как рассказать о тех видениях, которые и сама не могла себе объяснить?

Она ожидала, что по возвращении ее ждет новое наказание, но Рагнар ограничился лишь парой слов, устало брошенных ей уже в ворот замка:

– Иди к себе.

И больше ничего. Айна еще долго смотрела вслед ушедшему мужу, который успел уже скрыться в большом зале, где часто собирались вечерами трое смотрителей, а порой и Айна с Виленом присоединялись к ним. Глупые девичьи грезы напрочь позабылись под холодным ледяным блеском серых глаз, и радость от неожиданного появления мужа растаяла тот час же от осознания собственного поступка. Она вновь подвела ни в чем не повинных людей, тех, кто стал особенно дорог ей в эти дни заточения. И Рагнара, в том числе. И теперь она не знала, чем обернется для всех них ее импульсивный порыв.

Совершенно обессиленная и замерзшая, Айна сжалась на своем маленьком ложе и даже не потрудившись укрыться теплым покрывалом, едва согреваясь под не снятой накидкой, и потерялась в тревожных видениях. Ей снова казалось, что она воспаряет в небе, далеко-далеко над горами, над равнинами, и все казалось таким до боли знакомым. Она летала с ветром наравне, а знакомый женский голос тихо и мелодично напевал ставшую родной песню о лесной нимфе, ищущей свою дочь среди людей...

– У нее сильный жар. – Сенира тревожно покачала головой и заботливо положила на лоб своей юной принцессы мокрую тряпицу.

Старый Вилен тоже суетился поблизости, подкидывая дров в небольшой очаг, дабы не дать огню затихнуть и охладить комнату.

– Ох, и чегой-то ты опять удумала, несносная ты егоза? – сетовала вполголоса старая нянюшка, сердобольно заботясь о девушке. – Ишь что удумала... Напугала нас с Виленом.

– Слезы... – донесся тихий шепот девушка.

– Что? – насторожился тут же Вилен. – Что она сказала?

Он склонился к ней, пытаясь разобрать ее тихий шепот.

– Она бредит, – вздохнула Сенира. – Видишь, жар какой поднялся. Эх, отправилась на эту проклятую вершину совсем налегке, даже накидки теплой не накинула.

– Слезы Айны... Там за высокой горой... За разрушенной заставой... Они помогут...

– Что ты говоришь, девочка? – старик как мог прислушивался к словам юной принцессы, но никак не мог разобрать их. – Какие слезы?

Но ответа не последовало. А спустя еще немного Айна заметалась в сильнейшей горячке, и Сенира уже вслух молила богов пощадить ее девочку и не дать ей умереть.

– Положение их нынче действительно тяжелое, Рагнар, – хмурился Греггер, сложив руки на груди и оглядывая собравшихся в зале мужчин. Здесь расположились Рагнар со своими воинами, с которыми он прибыл в замок, и трое смотрителей, с целью обсудить намерения куридов к объединению. – Сверр с приспешниками совсем прижали их с севера и востока. У них есть торговые лазейки, а вот военной мощи у них нет. Объединяться с Моргашем для них равносильно добровольному самоуничтожению, так как их земли интересуют союзников Моргаша исключительно как пастбища для скота. Для нас объединение с хотя бы одним племенем явной выгоды не принесет, разве что с их помощью можно наладить торговлю, хотя есть риск и того, что она и вовсе остановится. Но сам понимаешь, риск есть во всем.

– Твой отец всегда понимал, что присоединение вольных куридов – дело времени, – вмешался в разговор Арнкелл, поглаживая седую бороду. – И последние его действия были направлены на поддержание мира с ними. Мое мнение: надо не тратить время на раздумье, а действовать. Чем скорее мы дадим отпор Сверру, тем лучше будет для всех. Сейчас самый апогей войны. Сверр понимает, что наследников у него нет, а потому нужно как можно скорее подавить своих врагов и укрепиться на завоеванных территориях. Именно поэтому он так бесчинствует и укрепляет свое положение среди своих союзников. Он уже достаточно пожил, чтобы понимать, сколько времени у него осталось, но все же понимает, что жить вечно не дано никому, а потому для него настало время для решительных действий. И именно на твою долю, парень, выпала обязанность остановить его. При Рейнолде, твоём отце, не было и десятой доли такого бесчинства. Сейчас все возможности нужно использовать.

Вопрос этот был практически решенным. Рагнар знал, что старейшины вынесут такое же решение, поскольку они всегда выступали за объединение разрозненных земель. И пусть объединение это происходило на условиях Зангры, следовало все же не забывать и о собственных интересах и традициях куридов. Самобытность этих немалочисленных народов послужила немаловажным фактором, позволившим им сохранять длительный период свою независимость. Они добровольно теряли свою свободу, и на Рагнаре теперь лежала огромная ответственность в сохранении их гордого духа и устоев.

Немного отдохнув в Раиньяге, отряд отправился обратно в путь, чтобы как можно скорее провести собрание старейшин и подготовиться к объединению племен. Рагнар покидал стены потаенного замка с тяжелым сердцем: и не потому, что впереди его ждали трудные дни и события, а потому, что здесь оставался еще один немаловажный вопрос, терзавший его в последнее время – Айна. Он так и не нашел в себе силы, чтобы посетить ее покои и лично справиться о ее самочувствии. Вместо этого он осыпал вопросами Вилена и Греггера, наказав тем не оставлять более принцессу одну. Разговор со стариками вышел крайне суровым и резким, но вот в отношении жены Рагнар так ничего и не предпринял. Он просто не знал, как ему быть с ней. Вспоминал, как увидел ее на краю скалы и как сильно сжалось сердце в груди в тот момент. И он сам бы не смог с уверенностью сказать, какие чувства владели им в тот момент: ярость ли, досада или что-то иное.

Еще не успев достаточно отъехать от гор, внимание отряда привлек громкий шум над головами: в небе, громко крича на всю округу, схватились два крупных ворона, отбирая друг у друга какой-то предмет. Долгая яростная схватка двух пернатых хищников закончилась поражением одного из них, да только победитель не смог удержать своего трофея, и тот упал на дорогу пред отрядом. Рагнар ловко соскочил с седла и поднял занятную вещицу – ею оказался темно синий камень, игравший своими грубо высеченными гранями на скудных лучах света.

– Что это? – озадаченно спросил Халмар, разглядывая камень в руках у своего правителя.

– Сдается мне, что это сапфир. – Рагнар в задумчивости вертел свою находку, занявшую пол его ладони.

– Сапфир? Откуда? – Халмар даже присвистнул, а за его спиной уже стали собираться в любопытстве воины, стараясь воочию увидеть поразительную находку. – Последние копи были истощены многие десятки лет назад.

– Мне и самому было бы интересно это узнать.

Рагнар устремил свой взгляд вверх, туда, где буквально недавно бились две большие птица, да только тех уже и след простыл, словно их и не было вовсе. Откуда они принесли этот драгоценный дар? Одним таким камнем можно было выручить значительные средства или товары. Вороны славились своей любовью к интересным блестящим вещам, а значит, они могли обнаружить этот предмет где угодно. Но камень этот был явно взят не у людей, это видно было даже непросвещенному – грубый и необработанный, он скорее напоминал окаменевший лед, нежели благородный камень, имевший большую ценность. Скорей всего птицы нашли его где-то неподалеку, а значит, следовало расспросить Арнелла, Грегера и Торгера, не видели или слышали ли они чего.

А пока следовало вернуться к своему народу. Быстро спрятав находку в небольшую суму на поясе, Рагнар вскочил в седло и, дав знак остальным, пустил коня вскачь. Ему хотелось как можно быстрее покончить с этими вопросами.

Глава 13

В последнее время сомнения стали постоянными его спутниками. Принимая то или иное решение, Рагнар раздумывал даже не столько о его правильности, сколько о том, мог ли он поступить иначе. И тут же отвечал самому себе: нет, не мог. Но мысли все же продолжали безжалостно терзать его, подрывая уверенность в собственных силах. Он часто подолгу стоял перед портретом своего отца в кабинете и сам себя вопрошал, как бы поступил тот в подобной ситуации. Рейнолд снискал любовь и уважение своего народа, и Рагнар помнил, с какими почестями отдавали последнюю дань величию погибшего правителя его подданные. Не возможно было допиться подобного ни вечным страхом, ни строгими традициями – это можно было лишь заслужить.

– Все вспоминаешь его? – раздался за спиной голос Ивара, и Рагнар тут же обернулся.

– Столько лет прошло, а мне до сих пор его не хватает.

Пожалуй, только с Иваром Рагнар был предельно откровенен. Старик заменил ему рано погибшего отца, стал незаменимым учителем и при этом, к всеобщему удивлению, не вырвал себе всю власть и умело держался за шаткой гранью между простыми советами и вмешательством в дела правления землями.

– Нам всем его не хватает в той или иной степени. Твой отец был очень мудрым человеком и правителем, и он навсегда останется в наших сердцах.

Ивар взгляделся в навечно застывшее на холсте лицо прежнего правителя, отмечая, насколько Рагнар становился похож на своего отца. Похож и лицом, и характером.

– Ты хочешь быть таким же, как он, – даже не спросил, а заключил старик. – Что ж, не удивительно – твой отец был достоин подражания. Да только каждому из нас дана своя дорога. Рейнолд свою прошел. Ты – не он, у тебя свой собственный путь. Быть достойным сыном своего отца не значит жить его укладами и мыслями. «Не посрамить отцов своих...»

– «... да приумножить их величие», – закончил вместе с Иваром Рагнар старую фразу, которой обучал его с детства отец.

Старик улыбнулся.

– Рейнолд гордился бы тобой, Рагнар. Так же, как гордится ныне тобою твой народ.

Желая убрать неловкость от столь личного разговора, Ивар благоразумно перевел беседу в другое русло.

– Как прошла встреча?

– Вполне ожидаемо: северные куриды попросились под нашу защиту.

– Это значит, они будут сражаться под нашим знаменем?

– Это значит, что они захотели стать частью Зангры. Я вернулся сюда, чтобы собрать совет старейшин и обсудить это.

– Ты вправе решить этот вопрос и сам, Рагнар.

– Ивар, если бы сейчас было мирное время – да, мог бы...

– В том-то и дело, что сейчас не мирное время, – горячо возразил старик. – В мирное время, сам понимаешь, эти куриды не стали бы проситься присоединиться к нашим землям под твоё правление. Идет война, и для этих племен Зангра – единственное спасение к выживанию.

– Я все прекрасно понимаю. Но у меня есть свои обязательства и по отношению к своему народу. Нам и так приходится нелегко. Запасы на исходе, торговля практически прекращена. К тому же многочисленные беженцы, поселившиеся на наших землях – теперь мы тоже отвечаем за их благополучие. Присоединение куридов может лишь ухудшить и так не простую ситуацию и вызвать недовольство. Такие решения не принимаются необдуманно. Сможем ли мы обес-

печить Зангре существование, не вызвав при этом ярого недовольства народов, живущих на ее территории?

Ивар смотрел на своего молодого правителя и видел, какая внутренняя борьба сомнения и долга в нем велась. Милосердие против здравомыслия. Нелегкая битва, в которой не может быть истинно верного решения.

– Созывай совет, Ивар, – тихо, но твердо произнес Рагнар, и старик понял, что решение было уже принято его молодым правителем и осталось лишь только получить одобрение старейшин, которое обязательно будет получено – в этом и сомнений быть не могло.

Любого воина всегда грела мысль о том, дома его ждет семья. Именно они, родные люди, оставшиеся в родных землях, придавали сил бороться, чтобы вернуться поскорее в теплый дом, в любящие объятия. Для него же самого семей стал его народ. Это была огромная семья, требовавшая колоссальных сил и самоотдачи, и Рагнар чувствовал их любовь и преданность взамен. Но, казалось, этого было мало. Ему не хватало чего-то иного. Боле личного, такого, что согревало бы душу и уставшее в бесконечных битвах тело. Он не позволял себе расслабляться, да и времени на это у него совершенно не оставалось: едва только отряд возвращался из похода, его боевые соратники могли позволить себе, наконец-таки, расслабиться, Рагнар же переключался на те дела, которые требовали его непосредственного внимания и не могли быть решены Иваром во время отсутствия правителя в замке. Ему просто было некогда. Загоняя себя до изнеможения, ваяясь от усталости с ног, Рагнар мог позволить себе лишь только несколько часов драгоценного сна-отдыха, чтоб потом вновь проснуться едва ли не раньше всех и начать свои тренировки на заднем дворе замка, к которым присоединялись его верные соратники.

Их всех, его верных воинов, тянуло домой... И только он один не хотел возвращаться в пустой холодный замок, где чувствовал себя одиноким и никому не нужным. Любая женщина Зангры с радостью согрела бы его постель, да только ему претила сама мысль об этом. Перед ним был все еще жив пример его родителей, пронесших свою любовь друг к другу через все невзгоды и расставания до самого последнего своего дыхания. После смерти своей жены Рейнолд так и не женился, и Рагнар видел, как свято чтит отец память умершей возлюбленной. Пример, достойный подражания. И пример, напроочь перечеркнувший всю его жизнь, так как подобного ему самому, увы, пережить не суждено.

В который раз долг звал его прочь от дома, и вот небольшой отряд снова был в пути. Необычайно яркая луна освещала их путь, невольно притягивая к себе внимание. С недавних пор ночное светило стало являться на темном небосводе все чаще, и люди стали видеть в этом знак богов. Мало кто обратил внимание, но ее сияние озарило свод той памятной ночью на высоком холме, когда проходило таинство сочетания браком двух правящих родов Зангры и Моргаша. В тот день свирепствовала буря, словно желая помешать тому, что суждено было произойти, но затем после таинства природа вдруг уступила, и на небе на недолгое время возшла светлая луна, освещая путникам дорогу домой. Знак это либо природа менялась так же стремительно, как и все события в мире людей, но случившееся уже крепко вошло в память народа Зангры: день, когда боги послали предвестницу Светлой богини Айны. И теперь народ Зангры свято верил, что и возвращение самой богини не заставит себя долго ждать.

Их путь вновь лежал через лес, густой и темный, а в необычном ярком сиянии луны казавшийся и вовсе мрачным и таинственным. Он нехотя расступался перед путниками, пропуская их вперед. Но у всех в небольшом отряде было стойкое ощущение, словно за ними неотрывно следили, не упуская ни малейшего их движения или слова. Рагнар еще долго оглядывался, стараясь хоть что-то разглядеть в непроходимой чаще, да только лес своих тайн не выдавал.

Все договоренности были скреплены подписями и обрядовыми таинствами. Отныне северные куриды являлись частью земель Зангры. Впервые за долгие десятилетия случилось подобное, и Рагнар понимал, какую волну пересудов да обвинений поднимет это объединение. Только отступить он не имел права. Прежде всего потому, что тысячи людей возлагали на него свои надежды и доверяли ему свои жизни. Пожалуй, это было самое ценное – доверие, которое выказывали ему не только свои подданные, но и те, кто долгие годы дорожил своей независимостью.

Отряду предстоял долгий путь домой, но Рагнар не спешил. У него осталось еще одно немаловажное дело в Раиньяге, напоминание о котором весьма увесистым камнем лежало в его кармане. Ивар рассказывал, что много лет Рейнолд искал новые копи сапфиров, но потерпел неудачу в этом. Старые, что некогда приносили скудные доходы, были давно истощены, а замену им так и не нашли. Один из последних камней отец Рагнара преподнес в качестве свадебного дара своей невесте – будущей матери своего единственного наследника. Оттого-то этот эта драгоценность была настолько ценна народу Зангры. И оттого во сто крат ценнее сердцу Рагнара.

Несмотря на адскую усталость в теле, Рагнар с легкостью вбежал по крутым ступеням винтовой лестницы, ведущей к верхним галереям, и внезапно замер, встретившись с робким взглядом своей жены, в котором смешалось удивление и какая-то искренняя радость. И он впервые растерялся от того, что кто-то с такой надеждой ждал его. Возможно он не замечал такого от кого-то прежде, возможно даже не хотел, но сейчас, видя эту радость в глазах дочери своего врага, он не знал, что же ему делать. Несколько мгновений, но этого было достаточно, чтобы смутить обоих.

– Рагнар?! – удивленно раздалось где-то над ними, и Айна резко отшатнулась, прижавшись спиной к стене, хватаясь пальцами за гладкие камни, будто ее поймали за чем-то запретным. Они оба подняли головы и увидели Грегера, спешащего вниз навстречу своему повелителю.

– Простите.

Рагнар едва разобрал тихие слова Айны. Словно испуганная маленькая птичка, она поспешила вниз, прочь от него, потупив свои большие выразительные глаза и пряча от него свои эмоции. Он остался, задумчиво глядя ей вслед, а его самого так и снесало изнутри: отчего же столько ожидания в этом кротком взоре? Чего желала его маленькая жена? Свободы или его самого? Какими иллюзиями тешила она себя?

– Твои появления становятся все более частыми и неожиданными, – заметил Грегер. – Что-нибудь случилось?

– Случилось? – Рагнар обернулся к старому воину. – Ничего не случилось, Грегер, просто отряду нужен был отдых.

Старик усмехнулся в густые усы и бороду, но Рагнар этого не заметил. Да и мог ли заметить, когда все внимание его стало рассеянным, словно он сам себе удивлялся. Юная принцесса убежала вниз, но своим недолгим появлением сумела внести сумятицу в мысли правителя – тут и гадать не нужно было, все прекрасно читалось по глазам обоих.

– Идем, Грегер, у меня есть к тебе несколько вопросов.

Еще раз рассеянно обернувшись вниз, бросив последний взгляд туда, где уже и след странной девчонки Сверра простыл, Рагнар последовал за старым зрителем Раиньяга. Хотелось бы ему самому понять, какая неведомая сила заставляла его так тушеваться при виде принцессы и отчего так сжимало в груди при виде ее радостного взгляда. Проклятье, наваждение какое-то. Словно не будучи плененным, он попал в ловушку, мастерски расставленную Сверром.

– Давненько я не видел подобных вещей, – задумчиво протянул Арнкелл, разглядывая переданный ему самоцвет. – Рейнолд в последние годы свои пытался найти в этих краях новые копи, да только земля пуста оказалась. Нет здесь самородков.

– Так откуда же птицы взяли его? – не мог взять в разумение Рагнар. – Не могли они принести камень издалека.

– Быть может, они утащили его у торговцев? Нынче в деревне у большой заставы их много собралось.

– Нет, – возразил Рагнар, – сомневаюсь, чтобы торговцы возили с собой вот так просто такие вещи. Слишком необдуманно и рискованно, когда даже обычные птицы способны без труда выкрасть прямо из-под носа эту драгоценность. Нееет, они нашли его где-то здесь.

– Мы обрыскали здесь каждый клочок, – в глубокой задумчивости произнес Торгел. – Каждый. Каждую пядь этой земли. Ничего здесь нет, Рагнар.

– Не верю. – Молодой правитель категорично покачал головой, не желая мириться со словами старых смотрителей. – Нужно снова искать. Эти копи помогут нам решить много проблем.

– Земля так просто не отдаст слезы Айны, – мрачно изрек Грегер. – Не зря же она схоронила их глубоко в своих недрах, подальше от глаз людских.

– Слезы Айны? – удивленно вскинулся Рагнар.

– Этот камень в народе величают «слезами богини Айны». Даже легенды о нем сложены. Можешь расспросить Сениру – ей известно много древних преданий.

– Легенды, легенды... Хоть бы одна из них дала ответ, за что боги так прогневались на наши земли, за что страдают люди. – Яростная непримиримость сочилась из каждого слова правителя. Он был не согласен с уготованной участью его народу. – Грегер, организуй новые поиски копей. И проследи, чтобы усилили охрану гарнизонов.

– Рагнар, я всего лишь смотритель замка...

– Я знаю. Мой отец доверял вам троим как никому другому и только вам он мог поручить то, что следовало бы держать в строжайшем секрете или под особым присмотром. Любой из вас знает эти земли лучше других, поэтому я обращаюсь к вам: я прошу вас послужить на общее благо во имя нашего народа.

В воцарившемся молчании было отчетливо слышно, как тянет свою заунывную песнь ветер.

– Что скажете, Торгер, Арнкелл? – кивнул в сторону своих соратников старик.

– Скажем, что служба есть служба. И приказы правителя не обсуждаются. – Арнкелл тяжело поднялся. – А теперь пора бы и отдохнуть, Рагнар.

Однако Рагнар знал, что кажущейся покорностью крылась недюжинная вера в его силы. Если бы старики были не согласны с ним, то нашли бы десятки, сотни доводов убедить его в неверности своих предположений, уж ему-то это было прекрасно известно.

Треклятый камень никак не шел из головы, и Рагнар все крутил его в руках, пытаясь разгадать тайну его появления. «Слезы Айны». Какое высокопарное имя ему дали. Ни один другой камень не именовали в честь богов, но именно этот посвятили богине, покинувшей свой народ. И пусть давно уж утеряны для его народа эти сокровища богов, Рагнар верил – всем сердцем верил, – что где-то в этих местах и сокрыты копи самоцветов. Даже разложенные перед ним на столе карты никак не желали открывать заветного места. У него не было времени на поиски, и в этом вопросе ему пришлось полностью положиться на верных соратников его отца, надеясь, что те все же смогут хоть что-то обнаружить. И пусть прежде это сделать не удалось, Рагнар верил, что в этот раз удача будет обязательно на его стороне. Не зря же боги послали ему этот камень.

Однако, оставалось в Раиньяге еще одно обязательство, о котором помнил Рагнар – Айна. В последние дни ему все чаще казалось, что он слишком сурово обошелся с нею, заперев ото всех в отдаленном замке. Ни разу он не слышал от старых смотрителей о роптании или недовольстве, высказанными его женой. Она, напротив, с честью приняла все тяготы и лишения своего вынужденного заточения. Рагнар не мог не заметить, как усилиями двух женщин до неузнаваемости преобразился Раиньяг, по-настоящему став уютным и теплым обиталищем. Он помнил этот замок с детства: отец привозил его сюда маленьким мальчиком, когда угроза для родного дома была слишком сильна, да и впоследствии ему приходилось не раз возвращаться сюда, чтобы надежно спрятать в его стенах какого-то значимого человека. И всегда замок был для всех холодным мрачным местом, словно это не укрытие, а тюрьма. Поразительно, как этой девчонке удавалось привносить с собой свет и тепло везде, где бы она ни появилась. Наверное, было слишком несправедливым спрятать ее здесь. Всякий, кто вынужден влачить подобное существование, должно быть чувствовал себя заживо погребенным, вычеркнутым из жизни и истории. Быть может, в этом и была причина того ее безрассудного поступка на вершине горы – прыжка, едва не оборвавшего тоненькую жизнь пленницы положения?

Лишь в самый последний момент принял он решение.

– Говорят, в деревне у заставы много торговцев собралось. Халмар, останешься здесь сопровождать Айну с ее спутниками. Им стоит развеяться. А заодно проверь заставу.

Халмар покорно склонил голову, однако от Рагнара не укрылось недовольство, которое свернуло в очах воина. Его друг всегда рвался в бой одним из первых, не боялся никогда жестоких стачек и уж точно никогда не прятался от битвы, и теперь, когда правитель нарочито оставлял его в тылу сторожить какую-то девчонку, пусть даже она и была его женой, доблестному мужу это явно было не по нраву. Да только послушаться приказа он также не мог. И пришлось, стиснув зубы, подчиниться.

– Слушаюсь, повелитель.

Окинув последним взглядом серые стены, Рагнар отдал знак собираться в путь. Он пришлет сюда еще воинов для охраны Раиньяга и его обитателей, а пока он доверил это Халмару, зная, что тот не подведет. Отряд покинул стены замка и отправился домой. А на третий день пути их нагнал воин из заставы с вестью о том, что на деревню напали вражеские лазутчики, переодетшиеся в торговцев.

Глава 14

Иногда судьба преподносит поистине чудесные подарки, истинный смысл которых становится понятен лишь по прошествии долгого времени, когда, собирая по крупицам памяти отдельные события, складываешь их в единое целое.

Весть о том, что Рагнар разрешил затворнице Раиньяга покинуть стены ее тюрьмы, стала большой неожиданностью для всех. И даже хмурый Халмар так и не сумел ничего объяснить никому. Всегда последовательный в своих решениях, Рагнар, казалось, терялся, когда дело касалось его жены. Его приказы вызывали недоумения, только вот прямо спросить об этом у правителя никто не решался, так как ответом всегда был хмурый взгляд да тяжелое молчание.

И лишь одной душе неведомы были эти перемены в Рагнаре – той самой, которая и была причастна к ним. Привыкшая слышать о жестокости и безнравственности народа Зангры, а в особенности об их правителе, Айна каждый день с удивлением открывала для себя, что все это было лишь лживыми наговорами сподвижников ее отца, тонкой политикой, призванной поддерживать страх в сердцах жителей Моргаша перед неведомым и диким противником, которому чуждо понятие пощады и гуманности. Лицемерие и наглая ложь. Айна была готова поклясться в том, что по эту сторону границы жили такие же люди, как и те, среди которых она выросла, и им также не были чужды страх, боль и надежды. Они так же умели любить и ненавидеть.

А их правитель... Он вовсе не был так жесток и страшен, как слагали о нем небылицы. Айна не раз видела, как относились к беженцам из Моргаша, поселившимся в землях ее мужа, и часто задавалась вопросом: выказал бы ее отец подобную милость к кому-то из бежавших подданных Рагнара – наверняка нет. Эти месяцы, проведенные в Зангре, заставили Айну по-новому взглянуть на своего мужа, на верных ему людей. Они все были одной семьей, крепкой, готовой постоять друг за друга, протянуть руку помощи в самое страшное время. Чего уж таить, Айна никогда прежде не ведала ничего подобного. Ее семьей были только Сенира да Вилен, родной же отец предпочел попросту отослать подальше с глаз своих, вовсе забыть о ее существовании. И вспомнил лишь тогда, когда было жаль отдавать любимую старшую дочь Бродику за «предводителя варваров и кровожадных убийц». Айна понимала, что таинственное исчезновение сестры было ловкой инсценировкой: Сверр просто надежно укрыл ее до той поры, пока все не утихнет. Разумеется, Айна помнила то негодование, которое охватило Рагнара, едва раскрылся хитрый план ее отца. О, сколь же грозен был он в тот момент. Как страшно было хрупкой девушке пред обманутым правителем, в руках которого отныне была ее жизнь и судьба. Но с первых же мгновений Рагнар развеял слухи о своей жестокости и бездушии. Он не убил ее, не изгнал с позором, как полагалось бы за такой обман. Нет, вместо этого он довел брачный обряд до конца, показывая, что держит свое слово вопреки всему. Он не изгнал ее с первых же дней прочь с глаз – Айна сама была виновата в том, что отныне ее домом стал уединенный Раиньяг. Она прекрасно помнила, что случилось с теми несчастными, кто ненароком послушался приказа ее отца – их жизнь длилась едва ли больше одного дня после короткого приговора правителя Моргаша. Рагнар же один раз простил ей послушание. Второй раз, конечно же, требовал от него вынесение сурового наказания – все же он правитель, и его народ должен чувствовать это. Каким бы несправедливым ни казалось поначалу ее участие, за проведенные в заточении месяцы Айна поняла, что ее муж проявил к ней немалую долю снисхождения, даже несмотря на то, что она была дочерью его врага. Он мог бы ее убить или отправить обратно к отцу. Но в который раз не сделал этого.

Его силу, храбрость и выносливость могли восхвалять сколь угодно, только вчера от взгляда Айны не укрылось, как изможденность тонкими морщинками пролегла по высокому

лбу, как хмуро сошлись густые темные брови и темные круги усталости залегли под потускневшими глазами цвета стального неба. Не зная ни отдыха, ни покоя, Рагнар не позволял себе расслабиться ни на мгновение. Он был сильным воином, его уважал не только собственный народ, но и правители соседних земель. И вместе с тем он был так одинок в своем величии. А кому, как не ей самой, знать, что такое истинное одиночество.

Вчерашняя встреча что-то изменила в отношении Айны к Рагнару. По его растерянному взгляду было видно, что, прибыв в Раиньяг, он меньше всего желал их встречи. И тем более неожиданной она стала для обоих. Совершенно ошеломленная неожиданным появлением своего мужа, девушка в полнейшем смятении смотрела на него, не в силах даже пошевелиться. Силы словно разом покинули ее. Звонче набата гремела меж ними тишина. Они молчали, но их глаза словно вели немой диалог, изумленно и опасливо изучая друг друга. Айна не видела больше перед собой грозного противника, в волю которого отдали ее судьбу. Куда-то исчез весь ее страх перед ним. Остались только робость да смятение. Чуткое девичье сердце, столь долго спавшее в трепетном ожидании чего-то сильного, светлого и настоящего, бешено стучало в груди, точно пыталось вырваться прочь. Им не надобно было слов в тот момент – они лишь только разрушили бы всю ту иллюзию, непостижимым образом возникшую меж ними и унесшую на короткие мгновения обоих прочь от жестокой реальности. Лишь на короткое мгновение она забыла, кто есть они друг для друга, с жадностью ловя удивительный взгляд серых глаз, неожиданно принявших теплый оттенок... И ей казалось, что вот-вот ее душа отделится от тела и бросится вперед, навстречу тому неизведано-прекрасному, что необъяснимо происходило меж ними в тот момент... когда сладкая иллюзия вдруг разбилась от одного только голоса не весть откуда появившегося Грегера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.